

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (3), Зима 2012 г. http://provintelligent.ru

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

MICHAEL WALSH Spain (Mijas pueblo)

(ORIGINALLY FROM GREAT BRITAIN)

Michael Walsh is an international writer, columnist and journalist based in Spain and Latvia. Semi-retired, he now ghost-writes autobiographies and novels and has published several of his own titles. Born of an Irish literary family, his father was a Spanish Civil War associate of Ernest Hemingway and friend of various literary figures including playwright, Sean O'Casey. His mother, of strong literary persuasion, corresponded with the Spanish Civil War's Republican leader, Dolores Ibárruri (La Pasionaria).

Michael has composed verse throughout his life and has earned the praise of many in the fields of theatre and entertainment; public life, literature and the arts. Available testimonials express their appreciation of his merits.

In 2000, during a period of intense activity, he could claim to be Britain's fastest selling contemporary poet. His anthology covers a broad spectrum and numbers in total over 300 poems, sonnets and limericks. He was widely published in various media, literary and otherwise. This is remarkable in that he avoids publicity and self promotion. His first anthology was A Sea Veneer of Merseyside, the second,

Believing of Liverpool were published in 2000 and 2001 respectively. He was a lecturer in small press publishing at the University of Liverpool.

Родился в Англии, а сейчас живет в Испании Член МАГИ с 2011 года...

A TALL SHIP

I saw a tall ship sailing by, I wept inside, I knew not why, The spirit of the wind should breathe, To bring my broken heart to grieve, For distant shores, a warmer clime, A place where bougainvillea climb.

I saw a tall ship sailing by, Its masts were waving to the sky, And as a compass needle's drawn, I felt my soul was being borne, Across the seas, across the waves, Where sailor men cross sailor graves.

I saw a tall ship sailing by, It flew so fast the foam would fly, And as it stood upon the beam, I wished myself aboard to dream, Upon the tall ship sailing by, To seek a place where I might die.

WHEN THE CIRCLE MEETS

Deep in thought - still young, for a moment wise, I saw the world through an old man's eyes; And from where I stood with the future bare, I could only speak of the things that were. When I crossed the bridge from a baby's cries, To the tolling bell as the evening dies; And the fleeting thought of a distant past - Of a waif of low esteem.

Then I felt the breath of an age ago, And the tolling bell was a dream, And I saw the boy and his life laid bare, The finger of Fate raised high. Then I knew - as you do in the moment of truth, The answer to where and why.

So when your time has come, my son, At the end of your earthly reign; Close your eyes, stay your sighs, and the sun will rise - For you know we will meet again.

THE OLDEST LOVE LETTER

It took a long time and a great deal of thought, But I couldn't believe I had lost what I sought. I should have forgotten, moved on and known better; Yet I sat down and wrote down the oldest love letter.

It spanned many years - no, a lie I have told: Perhaps it.... I'm vague or perhaps I am old.

But always remembered how sharp that I fell, For green eyes and kisses, the thrill of your spell.

And so I am writing the oldest love letter, While hoping the years will be treating you better; As sharp and in focus as memories of you;

I love you as then and you know that I do.

The oldest love letter is proud in defeat; It mellows, (no anger).... just bitter and sweet. A brooding nostalgia with wisdom to taste;

To soften a promise of young love laid waste.

Forgotten the hard words that brought us to anger; The years pass much quicker;

I dwell and I linger; But you'll know why I'm writing the oldest love letter; For youth was the lover who couldn't forget her.

I am pinned to my cross by a memory old, And haunted through life by a love that grew cold: Recapturing moments when love reigned supreme - And this oldest love letter rekindles the dream.

CATTLE IN THE LEA

The summer air was heavy on the meadow by the stream, Where cattle flick their tails - I wonder, What do cattle dream? They dream of neither morning nor of evening yet to come; They dwell upon the moment, not the future yet unspun. Upon the now, not after; of neither when nor where, Beneath the ancient oak tree in the still of summer's air.

WHERE THE SKYLARKS SING

The summer air so balmy brought the fleet of clouds to rest, They drifted aimless; some were caught upon the mountain crest. The maid was plucking flowers though her shoulder turned aside, To hide the blush upon her cheek, perhaps a flush of pride.

That I should speak of poetry and sonnets for her heart; Create a word-spun spider web that brings romance to art. So while she stepped through flowers she beguiled and won my soul; I chased until she caught me and to both of us our goal.

She sat her chin within her hands and smiled a thought unknown; I closed my eyes and dreamed that she might one day be my own. We felt the heather in the air and heard the skylark sing; The curlew's call to higher realm where seagulls rest the wing.

And in her hands the harvest of the pastures summer filled, Across the vale, the dingle, dale; where all the flowers spilled. To ripple, dance to summer's tune, the ocean's breathing sigh; Where skylarks sing and flowers grow and maiden lovers lie.

COLOURS

The gladness of my heart is wakened, By the colours of the day; By the speckle cream of wavelets, Rolling up the tide-washed bay, Wash to gold the sands of morning, Blending with the distant corn; How the heath shall rise in splendour, Paying homage to the dawn.

The gladness of my heart is wakened, By the girl I met in May; Willow poise her grace had beauty, In her lime green d'colletti. Wash to gold my heart of mourning, For a past so far away; Colours of the spring will waken, To the girl I met in May.

Ирина Явчуновская SPRING COMES...

The spring comes as a joyful beam, A tender leaf of May. The spring will spread its rainbow wing And then will fly away.

And cruel summer heats the world, The nature's dry and still. The sky is red, the sand is gold, The dead is daffodil. But in the fragrant summer night When nightingale sings, It seems that spring began its flight And spread rainbow wings.

Then fall brings sadness to the land. Cool winds their music play, And bare trees like old men bend, The sky gets grim and gray. But rainy droplets, clear and light, Weave streaming gleaming strings, And seems that spring began its flight And spread rainbow wings.

Like rapid brook the time flows, And winter steps beside, With stormy clouds, silver snows, With cold and gloomy sight. But crystal snowflakes in sunlight Dance, and the branches swing, And seems that spring began its flight, Spread its rainbow wing.

Стихи моих друзей Семен Гендель

***

Я затушу мерцание свечи, Застынет воск взором на паркете... И первый снег, упавший на рассвете Упрячет лист, исписанный в ночи.

Припорошит, оставив без следа Прощальные слова последней встречи... И лёд на окнах растопить мне нечем: Так закатилась в ночь моя звезда.

А днём укроет сильный снегопад Дрожанье слёз на тоненьких ресницах, И белый стих на вырванной странице, Которую не возвратить назад.

Я затушу дыханием свечу...

Перевод Ирины Явчуновской

***

I'll blow the candle, glimmering will die. The wax will stiffen, turn to ornament. The early snow, falling on the land, Will sweep the page with tender verse of mine.

The flakes will fall and never leave a trace Of goodbye words of our latest meeting. I'll never see the frozen snow melting, My star is waning, and the other days

White flakes will dust your lashes, and at last The snow will sweep your tears on the edges Of blurry lines. And the torn out pages Will soon be lost beneath the snowy paths.

I'll blow the candle, glimmering will die...

НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ СВЕТЛАНЫ ДИОН

Никогда не знаешь заранее, какие встречи подарит тебе жизнь. Тем она и интересна. В тот день мне нужна была информация о фильме «Балерина» с Майей Плисецкой. Набрал в Яндекс ключевое слово и кликая на ссылки, я оказалась на сайте неизвестной мне Светланы Дион и... застряла на нем надолго, забыв о цели моих поисков. Рассматривала фотографии очень красивой женщины в жизни и на сцене, читала ее стихи, сразу записавшие в душу, и главы из готовящегося к публикации романа «Попрошайка любви», написанного в жанре духовно-фантастического детектива, любовалась бижутерией в старинном испанском стиле времен королевы Исабель, которую Светлана, будучи директором фирмы «TimeLace Jewels», продает в музеях Америки...

Передо мной открылась удивительная судьба нашей соотечественницы, живущей в Испании, – балерины, поэта, писательницы. Я люблю и балет, и поэзию, и Испанию, так что здесь все сошлось. Захотелось больше узнать об этой необыкновенной женщине. Ответ на письмо, посланное по электронному адресу на сайте, пришел очень быстро. Теперь на полке моего книжного шкафа стоит поэтический сборник Светланы Дион «Кружево времени» и недавно вышедший в свет в Петербурге роман «Попрошайка любви», а с самой Светланой мы беседуем по телефону специально для издания «Интеллигент».

– Светлана, чем был вызван ваш отъезд за границу?

– Уехала с мамой в Америку будучи старшекласницей, по семейным причинам. Напряженные отношения родителей после развода, трагедия личных, не сложившихся отношений с отцом, «заслуженным» математиком... Пока ждали разрешения на выезд, мне «за измену Родине» не дали закончить последние классы. Доучивалась профессиональному балету у М. Джафаровой во Дворце культуры имени не помню какой пятилетки. Исход за железный занавес означал отказ от мечты стать балериной в России. Но судьба пошла навстречу. Позже в Штатах я смогла осуществить свое призвание. Мне дали стипендию в Манхэттенской танцевальной школе. Пришлось много поработать. Постоянно брала частные уроки у русских педагогов, мастеров ленинградского балета Ирины Колпаковой, Калерии Федичевой, Марины Ставицкой, Елены Куниковой, оказавшихся в Нью-Йорке. Глубокая им благодарность.

– Вы добились известности на Западе как балерина?

– Я танцевала среди звезд, это так, но одной из них не была. Мое имя мелькало на афишах, но назвать меня известной – не совсем точно. Правда превыше всего, и моя правда в балете в том, что я превзошла не столько других, сколько саму себя. Несмотря на превратности судьбы, мне удалось станцевать заветные партии, о которых мечтала с детства. Лучшими ролями, от которых плакала Федичева и которые хвалили Колпакова и Ставицкая, были Умирающий Лебедь, Раймонда, Сильфида в «Шопениане» и Мария Тальони в «Па де катре». Впервые станцевала па-де-де из «Лебединого озера», в которое влюблена с четырех лет, с Андреем Журавлевым на Международном фестивале звезд балета в Рино, штат Невада, в 1995 году. Наутро вышла местная газета с моей фотографией – нас отметили среди известных исполнителей того вечера. В фильме «Поэтический полет русской Терпсихоры», снятом обо мне американским телевидением, запечатлены классические па-де-де и сольные вариации в моем исполнении. Танцевала и современный репертуар в труппе Эдди Туссэна во Флориде. Но по духу я родилась лирической танцовщицей – стремилась прежде всего к гармонии и красоте линий. Балет для меня – священное искусство он дарует возможность танцевать музыку, прикоснуться к запредельному, испытать чудо парения над землей посредством духовного взлета. Может, потому балерины так тяжело переносят уход со сцены и внезапно стареют. Их прижимает к земле жизнь – до этого они ее заменяли танцем. Счастье, если находят искреннюю радость дарить свой опыт молодым – для этого нужно любить прежде всего сам балет, а не себя в балете. Я ушла со сцены, но не из балета – в самые тяжелые минуты спешила в класс, держалась рукой за палку, а душой – за «допевание музыки телом» (как учили русские мои педагоги), и балет выносил, словно спасательный круг, из водоворота личных трагедий и утрат.

– Что больше всего запомнилось из вашего ленинградского детства?

– Огромные голубые глаза мамы, ее

печальную улыбку и ее слова «всегда верь в себя, даже когда меня не будет». Воскресные лыжные прогулки в Охтинском парке с родителями до их развода. Слово вчера помню Одетту на сцене Кировского театра – Елена Евтеева в Большом белом адажио. Шепот моей задохнувшейся души: «Мамочка! Я буду балериной!» Строгую комиссию богинь-балерин при поступлении в Ваганское училище и чью-то фразу «у нее лебединые руки». Букет бархатной вербы в руках няни в Парке Победы и ее увлажненный радостью взгляд, когда меня «приняли в балет». А несколькими годами раньше – первое плие в доме Ирины Колпаковой возле роля. Первую подаренную мне ею пачку «Спящей Красавицы» храню до сих пор. Она плакала, узнав о смерти моей мамы. Мама была гинекологом по трудным случаям и спасла жизнь Ирине и ее новорожденной дочери Татьяне, ставшей в Нью-Йорке талантливым дизайнером.

– Скажите, Дион – ваш псевдоним?

– Это моя официальная фамилия в американском паспорте. Когда я получала американское гражданство, мне было позволено сменить фамилию полностью. Я сменила старую на .... Дион. А «Дион» изобрела моя покойная тетя Тамара, мамина сестра, которую я боготворила с детства. Очень походит на сокращенный вариант старой фамилии прапрабабушки, кажется. Так что и не псевдоним, и не совсем моя – но почти родовая фамилия из прошлого.

– Вы пережили много потерь. Но ведь были и обретения. О каких «незабытых встречах» вам хотелось бы рассказать?

– Как-то ехала в лифте между репетиционных этажей Линкольн-центра с Лучано Паваротти. Великий певец протиснулся между Ириной Колпаковой и мной и извинялся за то, что занял столько места в лифте. Паваротти старался вобрать свой внушительных размеров живот, а мы с Колпаковой просто не дышали. На фоне миниатюрной Ирины Александровны он действительно выглядел, по собственному выражению, «непропорциональным». Выйдя из лифта, мы облегченно выдохнули и потом долго смеялись.

В Москве, где бывала не раз, подружилась с прекрасными балеринами из Перми, покоровшими столицу, – Галиной Шляпиной и Светланой Смирновой. В Лондоне познакомилась с обаятельной Ниной Ананишвили, прима-балериной Большого театра – обедали вместе с философом Нодаром Джином, работавшим тогда на Би-Би-Си и пили за Грузию, за «сакартвело». Удивительно сентиментальные и искренние люди – последние из мигрантов. Нодар Джин – выдающаяся личность (кстати, самый молодой доктор философии в СССР, откуда он уехал в Америку), писатель, поэт, психолог, фотограф. Не подпасть под его мощное обаяние было невозможно. У Нодара был суперинтеллект, он ворочал глобальными духовными понятиями, как шахматными фигурами. В нем поражало удивительное сочетание интуиции и заземленности. Со страдания и любви к правде... Он знал множество языков, говорил афоризмами. Без его влияния, «благословения», я, наверное, не осмелилась бы стать писателем. Он часто повторял: «Смотри в себя – и ты познаешь весь мир»... Роман «Попрошайка любви» посмер-

тно посвящен Нодару Джину и моей дорогой маме, Ирине Герасимовой. По странному и горькому совпадению я потеряла их в один год вскоре после рождения сына.

Встретилась однажды в Нью-Йорке с великим русским танцовщиком Александром Годуновым. Незабываемый кадр из памяти: весна в разгаре, мы шли вдвоем по 72-й улице к Коламбус Авеню, справа высокий красавец-блондин Александр, слева возвышался шагающий такой же «геронческой» походкой черноволосый пронзительный Нодар. На нас оглядывались прохожие. Я, на высоких каблуках, ступая по-балетному «выворотню», еле поспевала за их большими размеренными шагами. Мне тогда показалось, что под ними качалась земля – так, наверное, ходили Атланты. И неожиданно зашемило сердце – пришло в голову, что земля долго не выдержит носить на себе таких исполинов... Прах Нодара, согласно его воле, развеян над океаном. Где покоится прах Годунова, не знает никто.

Дорожу знакомством с известным филологом, профессором Надеждой Брагинской. Через нее писатель Илья Штемлер в 1998 году в Нью-Йорке передал мне привезенный им из Питера сигнальный экземпляр моего первого сборника стихов. Надежда Семеновна, отдавая книгу, попросила меня присест. «Есть о чем поговорить», – сказала она. Я сжалась в ужасе – сейчас будет ругать. Но она взялась за меня, и с тех пор длится наша дружба и ее литературное покровительство. Автор книг о Пушкине, с тонким вкусом и глубочайшим видением, она многому меня научила. Ее добрая рука листала немало моих рукописей стихов и прозы. По ее рекомендации со мной работали лучшие редакторы в Штатах.

Верю, что не мирская слава, а душевная мощь всегда отличала для меня людей. Я встречала многих известных, но в этом смысле «не выдающихся» личностей. И наоборот, немало неизвестных, но необыкновенно «выдающихся» по своему «свечению» людей подарила мне судьба, особенно после утрат моих родных и любимых. А самой выдающейся личностью в этом смысле была моя няня – прототип самого названия романа, преподававшая мне первые уроки «науки о душе». Именно за общение с ней вплоть до отрочества как с незаменимым другом я нескладно благодарна судьбе. Она была неграмотной, но обладала врожденными знаниями самых важных для нас истин и таинств. Потому, прочтя о них у Иосифа Бродского, я смогла оценить его не только как уникального поэта, но и как гениальную душу.

– Вы были знакомы с Бродским?

– Нет, но общалась в Америке с его друзьями, и это главное для меня. Знала, что он был человек верный себе и в жизни, и в творчестве. Искренний во всех своих проявлениях. Обладал знанием высшей правды. Умел любить. Не носил ложных масок. Был самим собой – гением.

Его смерть была тяжелой утратой для близких мне людей, в первую очередь, для Нодара Джина, жившего по соседству с Бродским в Вашингтоне, и потому скорбь о нем была и моей личной скорбью.

Помню, Нодар рассказал мне о потрясении его тогда происшествии. Когда тело поэта увезли в морг, в квартире остался его любимый кот. Он сидел на подоконнике и смотрел в окно. Вдруг с улицы прилетел голубь и тоже сел на подоконник. Так они и сидели рядом – кот и голубь. Слово душа Иосифа навестила своего покинутого любимца.

– Как случилось, что вы стали поэтом?

– Буквально в первую ночь после смерти Бродского я начала внезапно писать стихи. Не потому, что захотела, а вот ни с того, ни с сего. Никогда ничего не писала и не думала об

этом. Произошло – за отсутствием лучшего объяснения – некое чудо: после сильных эмоциональных потрясений вдруг проснулась на заре и в состоянии полусна написала залпом несколько длинных стихотворений. Эти стихи позже вошли в мой первый сборник «Тысяча и одна жизнь», изданный в России. Вот первая подаренная мне тогда на рассвете строка: «Во мгле, без времени и края»...

За ними в течение полугодия последовали несколько сотен стихов. Многие написаны на английском языке. Они были удостоены ряда наград и включены в несколько антологий американской поэзии. Есть стихи на испанском и французском. Стихи сами рвались из меня, я едва успевала их записывать. При этом я не задумывалась ни о стиле, ни об оригинальности, ни о последних тенденциях в поэзии. Так же писала и роман, чуть ли не стенографируя «струящуюся», идущую мне откуда-то информацию. В 1998 году я прожила всю осень и зиму в андалузской деревне в Испании. Там и появились на свет 700 страниц романа и будущие сборники «Не дыши без меня» и «Кружево Времени». Туда включены и мои переводы на русский язык некоторых английских стихов дочери Нодара Джина Яны, талантливого поэта и публициста.

– Неужели ничто не предвещало такой поворот событий?

– Знаете, был некий знак. В юности, живя в Нью-Йорке, я переживала любовную драму. И отправилась за советом к гадалке. Помимо всего прочего, она сказала мне странную на первый взгляд фразу: «Твое имя станет известно на многих языках через слово». Придя домой, я долго думала, что бы это значило. Какое слово, ведь я танцую? Молча! Смысл этого предсказания я поняла много позже, когда стала членом Международного Союза поэтов и финалисткой Международного конкурса русских поэтов зарубежья «Пушкин в Британии».

– Светлана, вы очень счастливый и светлый человек. Вы станцевали любимые роли, открыли в себе поэтический дар, написали роман, а самое главное – родили сына...

– Я иногда думаю – за что мне столько счастья? За что так щедро ниспослано было пережить не одну великую любовь? За утраты – к матери, к ребенку, к искусству? За утраты – потому тоже соответственные... И не устаю благодарить Бога. За то, что Он выдал мне именно такую трудную судьбу, за Его мудрость, которая становится понятна лишь в критические моменты жизни, за то, что Он есть.

Когда моему сыну четыре года. На вопрос воспитательницы детского сада, кто его родители, ответил: «Папа испанец, а мама – лебедь». А однажды сын сказал мне, что на картине с дождем видит спрятанное солнышко – «просто надо стереть темный фон, и за ним окажется солнце».

Балет, поэзия, музыка, искусство – про это. Про то, что, стерев с полотна нарисованное собственною рукой, увидишь не пустой холст – а невидимое солнце, подаренное всем, кто умеет его видеть. Про это и мой роман. Счастлива, что он вышел на родине. В Мадриде презентация романа состоялась 15 мая в «La Favorita», элитантном особняк-ресторане, где официанты – оперные певцы – во время ужина исполняют арии между столиков под аккомпанемент пианино. Я не стремлюсь к популярности. Просто очень хочется, чтобы роман прочли те люди, которым необходима поддержка и надежда в тяжелые минуты жизни.

Беседовала

Лена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

Страница Светы Дион

WWW.SVELLANADDEON.UCOZ.RU

Что такое МАГИ?

Добровольное международное объединение русскоязычных деятелей искусства, а также любителей и покровителей искусства. Наше отечество – искусство. Наша цель – содействие поддержке и развитию единого культурного пространства русского искусства в Испании, культурный обмен и сплочение творческой диаспоры всех стран в процессе общения и проведения совместных мероприятий.

ИЗ СТАТЬИ «МАГИЯ ТВОРЧЕСТВА» АВТОР СВЕТЛАНА ДИОН:

«...Таинство вдохновения – ровно как и загадка любви – это все об одном: о подаренной нам свыше свободе души, заточенной в тюрьму брэнной плоти. НЕ потому ли так опьяняюще творчество и его плоды? Не потому ли искусство – этот магический щит и меч человека – это родной язык человеческой цивилизации, язык души, такой же универсальный и обреченный на извечное существование, как и любовь... И там, где говорят на этом языке, есть место всем, независимо от всех земных различий и разногласий.

Это всеобщее отечество – искусство. Потому и девиз МАГОВ: «наше отечество – искусство».

Проекты МАГИ:

– Сетевой Альманах и журнал новостей о творческой деятельности Граждан Искусства: персональные

страницы профессионалов МА.Г.И. Литературно-музыкальные вечера русскоязычной творческой диаспоры в Испании. (вход только для членов МАГИ или по приглашению).

– Презентации книг и музыкальных дисков Граждан Искусства ассоциации.

– Встречи с Гражданами Искусства МАГИ из России, США, Германии, Англии, и других стран.

– Библиотека Магов «Наш Современник» – поэзия и проза русского зарубежья (распространение по Европе и публикации стихов и прозы МАГОВ В МЕЖД. ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ «Провинциальный интеллигент». СПб МОСКВА, США, ИЗРАИЛЬ)

– Совместные мероприятия с культурными ассоциациями в Испании и других странах.

– Интервью с Гражданами Искусства МАГИ в русских СМИ Испании и России.

Печатные проекты:

«МАГИческое Слово» 2010 – Антология Поэзии и Прозы МА.Г.И. Произведения литераторов МАГИ. В серии Библиотека Всемирного Клуба Петербуржцев.

Изданные книги в серии Библиотека МАГИ, индивидуальные пакеты ПР литераторов. (ЗОЛОТОЙ И ПЛАТИНОВЫЙ ПАСПОРТ ГРАЖДАНИНА ИСКУССТВА* МАГИ)

* вступление в МАГИ в категорию «гражданин искусства» – по заявкам НА РАССМОТРЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СОВЕТА МАГИ.

Дополнительная информация на сайте www.maginet2006.narod.ru

ЗИНОВИЙ КОРОВИН

Рокавей, Нью-Джерси, США

НА КЛАДБИЩЕ ЗИМОЙ

Памяти мамы

Снежный холмик подрост.
Я стою здесь давно.
Мама! Сверху — мороз
и почти что темно.

Но темнее — тебе,
и тебе — холодной,
и навеки в судьбе
только ночи, без дней.

Помню, в детстве вторым
одеялом меня
согревала, укрыв.
А себе? — Простыня!

Ты вставала к плите
в предрассветную рань,
не будя, в темноте,
мою штопала рвань.

Не вернул тебе долг
за святые дела —
что я вырасти смог...
Что меня подняла.

Скоро встретимся мы
там, куда ты ушла,
в мире подлинной тьмы,
без добра и без зла.

И в неведомый миг
к своему багажу
я большой пуховик
для тебя положу.

Принесу не свечу
и не бра на двоих.
Нашу тьму освещу,
взяв подсолнечный стих.*

* Стихотворение «Подсолнечное»
(опубликовано в сентябрьском номере
«Интеллигента»)

ПАМЯТИ ГЕНЫ САКСОНОВА

После тяжёлой, долгой, мучительной, неизлечимой болезни 9 октября простился и ушёл от нас прекрасный поэт, Геннадий Саксонов (на сайте стихи.ру — Геннадий Сакс). До последнего часа он не сдавался, шутил, писал стихи и рассказы. Да будет ему земля пухом, а посещения его странички на сайте — нашей доброй памятью.

Если богатый честен,
покинет он мир без долга.
Кто как герой известен —
в памяти будет дерзать.
Уходит поэт, но песни
его остаются надолго,
если у этих песен
было о чём сказать.

Простился, вздохнув глубоко,
что людям стихами должен.
Одна впереди дорога —
парнасский пройдёт ОВиР,
в незнаемое далёко
живучим стихом продолжен,
ибо, пускай немного,
добавил он красок в мир.

НУ, ТЫ И СОБАКА!

— Валерка, это ты? — кричала жена из ванны. — Ты говорил, что пойдешь на работу! А? — Не успел я ответить, как пёс, которого я только что нашёл и привёл домой, звонко ответил за меня: — Гав! Гав! — и улыбнулся. По-моему, он всё сказал, что я думал. — А это что за дрянь? — нависая над собакой, бубнила разгорячённая паром жена.

— Я шёл на работу, а пёсик явно потелся. Холодный, голодный. Прошу любить и жаловать, — и, довольный собой, и жизнью, я пошёл на кухню за миской, в которую налил остатки вкусных щей, и поставил своему новому другу. То, что собака «друг человека», знают все, кроме моей жены.

— Ты что же, паразит этакий, мою любимую тарелку этому паршивцу под морду? Кстати, щи последние, больше варить не буду, скажи спасибо своему дружку. — Пёс понял, что речь идёт о нём, лизнул мне руку, поднял тарелку с пола, где бегали муравьи, и понес в другую, чистый угол. Щи плескались на пол, и я с ужасом представлял, что сейчас будет.

— Ты что же это, паршивец, делаешь? — Я сначала не понял, о ком речь. — Я что, в уборщицы заделалась? За двумя псами убирать буду? — и сама же ответила: — Уж нет, шалишь, — и, уходя, грохнула дверь, как шестидюймовкой Авроры в 17 году. А я к псу: — Не знаю, как тебя звать, Шарик-Шурик, Рекс-Макс. Ты что, хочешь, чтоб нас обоих из квартиры вышибли? — Он перестал есть и грустно посмотрел в окно. Два дня обиженный пёс ничего не ел. Я тоже. Пришлось извиняться перед ним. Жене пообещать мерседес, норковую шубу и дом в Голливуде. Вставить теще золотые зубы даже там, где и не видно. И отправить в круиз по экватору, и не называть рыжей дурой.

Собака оказалась спокойной, интеллигентной личностью. Всё понимает и знает больше, чем говорит. Она натаскала себе в угол книги, и, когда долго разглядывала картины в гостиной, я посмотрел, что там. А там и «Собака Баскервилей», и «Каштанка», и «Трое в лодке с собакой», и «Собачьё сердце», и «Герасим и Муму», и зачем-то «Старик и море». Пёс читал редко: то ли очков нет, то ли что-то с глазами. Пришлось мне читать вслух. Прильнёт, бывало, тёплым боком и внимательно слушает, открыв рот и высунув язык. Ну, точно, как я в детстве. Вытрет лапой слёзы, и снова уши торчком. Взяли напрокат видики: «Ко мне, Мухтар!», «Лесли», «Гамлета» и про космонавтов — Белку и Стрелку, а больше всего — про войну с теми же немцами.

Недавно он рассказал, как погиб его отец. Папу учили бросаться под танки: русские учили на своих танках, у которых был другой запах чем у фашистских, и когда начался бой, папа и его друзья, как патриоты, героически бросились взрывать — правильно! — русские танки. Школу закрыли, учителей расстреляли и, хотя отец и его товарищи погибли за Родину, звание и медаль героя Советского

Союза так и не дали. Собаки! Время такое было — собачье. Про мать он не лаял ничего, даже ни разу не гавкнул, и я понял, что она просто — дворовая сучка.

Утром он будил меня на работу, приносил газету, тапки, ключи от машины. Научился делать кофе — как я люблю! Как-то, после работы, я застал его брэнчавшим на гитаре. Пением скулёж называть нельзя, но это было гораздо лучше многих знакомых бардов. А когда он вылизал машину — языком, я просто влюбился в него.

В магазинах стал ходить между полок, где никогда раньше не был. Его еды навалом, больше чем мне. Тут и баранина, и говядина. Баранина с говядиной и с курицей. Потом курица с грибами. Рыба и в томате, и без. Кошерное и для неверующих дворняжек. Просто мясо, неизвестно чьё, но очень вкусное. Говорят, что многие люди это тоже лопают. Лучше туны. Но для собак — спецдобавки, и у людей могут начать расти клыки, волосы и хвост там, где не надо. Многим наплевать. Кризис. Из всех телепрограмм пёс предпочитает Fox, и я понял, что он из нелегалов, и республиканец, и я не удивлюсь, если узнаю, что он починил компьютер.

На улице пёс вел себя как джентльмен. Никогда не вступал в дворовые разборки. Они были ниже его достоинства, а одной кудрявой болонке принёс в зубах ромашку. Я чуть не сел на зад. Я, собака, лет 10 не дарил цветы никому, а этот — Дон Жуан, — как что, так сразу! Жена совсем взбесилась и стала рычать по делу, а чаще по своему характеру. Бывало утром она: — Тебе кофе с молоком или без? А теперь: — Опять, собака, толчок обоссал! — Лень «ногу» выше поднять. — Ну, думаю, надо куда-то этого гения пристраивать. Дал в газету объявление: «Возьмите собаку, но если не понравится, заберу обратно». Газета еще не поступила в продажу, а в квартире было зловеще пусто. На полу лежала записка с очень красивым почерком, почти как на компьютере, и без ошибок.

«Прощай. Спасибо. Так будет лучше для всех. Пойду поищу свою мать. Гав! Гав!» И какие-то пятна. Скорее всего, от слёз.

29 сентября 2011г. Помпано Бич, Флорида.

Миша НЕРЖИН

ГЕННАДИЙ САКС (САКСОНОВ)

Оттава, Канада

СОНЕТ

Т. М.

Любимая! Мне грустно. Вот беда:
Твой голос, лишь возникнув, пропадает...
Ах! Телефонный провод выпадает,
Как птенчик неразумный из гнезда.

Во сне ты всё летишь ко мне, узнав,
Как моему несладко миокарду,
А я при шпаге и, сжимая гарду*,
Целую платье, на колено встав.

Любимая! Как мне тебя вернуть?!
Придумать самолёт и улететь в нём?
Куда ж детей на выходные деть нам?
Иль вместе всем поехать отдохнуть?..

Объятий сладких каждый миг лови,
Чтоб жизнь прошла в согласье и любви.

* Гарда (исп. и итал.) — перекладинка или чаша на эфесе (рукоятке) шпаги для защиты руки от оружия противника.

НАДЕЖДА МАРХАСЁВА

Бруклин, Нью-Йорк, США

***

Куковала кукушка
без умолку в чаше,
посушила кому-то
сто лет!

— Нагадай мне, кукушка,
долгое счастье! —
Но «ку-ку!» только раз
прозвучало в ответ.

Зря тревожила птицу,
напрасно гадала...
Коль не спелось, не сладилось
— кто ж виноват?
Моё вешнее сердце
само предсказало,
что угаснет любовь,
как вечерний закат.

Скоро наши с тобой
разбегутся тропинки,
и в осенних туманах
затеряется путь.
Я исплачу печаль
до последней слезинки,
а потом, без любви,
доживу как-нибудь...

АННА ГЕДЫМИН

Москва, Россия

***

Нет, не подвиг, а просто такая жизнь,
Что осилит только герой.
А собьёшься чуть — хоть костями ложись,
Не вернуться в избранный строй.

Лишь душа заскулит — обречённый зверь,
И в ответ иссякнет звезда.
Что поделать, такая вот жизнь теперь.
Что поделать, такая вот смерть теперь.
Впрочем, так же было всегда.

***

Ночь ушла, как лодка из залива,
В сонный час украдена не мной.
Разнотравно, как нечёсаная грива,
Бережок топорщится речной.

Тьма ушла. Ну, стало быть, счастливо.
Зреют шишки, медлят облака,
Трогательно жгучая крапива
Тщетно поджидает чужака.

Вдруг, подбросив солнце, как монету,
Трижды ухнет леший из-за пня...
Вот бы хоть на миг, как чашу эту,
Ночь моя покинула меня!..

***

Не звать гостей! Зачем нам гости?
Я больше не люблю гостей.
Они впиваются, как гвозди,
В мир наших радостных страстей.

И снова слушать нам — доколе?
О сериалах и футболе,
Вникать в минувшие печали
И в то, что ныне говорят...

И ты меня не замечаешь
Уже четвёртый час подряд.

США

Марк ЖЕРЕБЧЕВСКИЙ

Бруклин, Нью-Йорк, США

АЛЫЕ РОЗЫ

(Песня для женского голоса)

На перроне улыбки и слёзы,
Радость встречи и горечь разлук,
А в руках моих алые розы,
В них, любимый, тепло твоих рук.
Обещали писать мы друг другу,
Я пишу, а ответа мне нет...
Ты с другой, говорят мне подруги,
Но не верю я в этот навет!

А в Нью-Йорке погода — не мёд,
Дуют ветры, жара, гололёд,
И стучатся мне в окна косые дожди:
Ты не жди, ты не жди, ты не жди...
И дождинки на окнах, как слёзы,
Но к чему этот стук?
Ведь тепло твоих рук
Сохраняют те алые розы...

И, когда за окном так уныло, —
Даже хмурым и пасмурным днём,
На рассвете нам солнце светило,
Когда были, любимый, вдвоём.
Может быть, обнимая другую,
Так же нежен, как был и со мной,
Но я знаю, хоть очень ревную, —
Ты не будешь счастливым с другой!

А в Нью-Йорке погода — не мёд,
Дуют ветры, жара, гололёд,
И стучатся мне в окна косые дожди:
Ты не жди, ты не жди, ты не жди...
И катились дождинки, как слёзы,
И тепло твоих рук,
Как водой, смыло вдруг,
И увяли те алые розы...

Ефим МЕДВЕДОВСКИЙ

Бруклин, Нью-Йорк, США

* * *

Опять тоска завьюжила
По голубым снегам.
Я сыт по горло стужено
С дождями пополам.

Метели бы, метелицы,
Сугробов-пирогов!
Закрутит ветер мельницы,
Меля зерно снегов.

Наутро сбьлся вещий сон:
Зима... кругом бело.
На улицу из дома вон
В позёмку понесло.

Морозец щёлкнул по носу,
Брусничкой щёки — в жар.
Раскатывают полосу,
Катаясь, мал и стар.

Мукою снежит, сахаром,
На дрожжи — молоком.
Увидели и ахнули:
Опарный снежный ком...

Жена колдует с противнем
С зимою заодно.
Связало их заботливо
Желтком моё окно.

Любимые и тонкие —
Из детства — пироги
С брусничкой да с антоновкой,
Как мама, испеки!

Валентина ЧЕЛОВСКАЯ

Мельбурн, Австралия

* * *

Пожелай удачи мне,
Я пришла с тобой проститься.
Вновь дорога полосится
По твоей-моей судьбе.

Пожелай мне лёгкий путь,
Чтоб был радостен и светел,
Чтоб летела я, как ветер,
Чтоб во всём был толк — и суть.

Ты от сердца пожелай...
Запрягла я колесницу
И смахну слезу с ресницы,
И вернусь я в месяц май.

Ты всего мне пожелай,
Размягчи свой сердце-камень,
Распахни окошко-ставень,
И меня не забывай.

Феликс ГУРТ

Квинс, Нью-Йорк, США

ЖЕНЕ

Ты кровинка моя, мой ребёнок,
Как девчонка, сладка и... упряма,
И из всех своих хилых силёнок
В постоянной заботе, как мама.
Но по-прежнему выглядишь славно,
Будто время проносится мимо.
Всех чаруешь улыбкой, а главное —
Мной ценима, желанна, любима!
И, целуя, как любишь, за ушком,
Я шепчу: «Будь по-прежнему верной,
Поражай меня, словно лягушка,
В сказке ставшая чудной царевной».
И в каком ни была б ты убранстве,
Я тобой наслаждаюсь, глаголя:
«Ты моё беспредельное пьянство,
Беспробудное, без алкоголя!».

Ольга НЕКРАСОВА

Лонг Айленд, Нью-Йорк, США

ДРУЗЬЯМ

Жизнь мотала меня по планете,
И сменяли пейзаж города.
Не расскажешь об этом в куплете,
Что ложится на лист иногда.

Я друзей оставляла повсюду, —
У судьбы распорядок такой.
Но друзей я своих не забуду,
Без друзей не найти мне покой.

Где же вы, мои милые друзья?
Где-то там, далеко-далеко.
Как живёте, друзья и подруги?
Вспоминаю — и сердцу легко.

Писем нет иногда и по году,
Раздаются не чаще звонки.
Но винить мы не станем погоду
В том, что ныне мы так далеки.

Всё сменяются вёснами зимы,
А за ночью приходит рассвет...
Мы в разлуке своей уязвимы,
Не вернуть нам растроченных лет.

Но теплится надежда на встречи.
Жить вдаль помогает она.
Тёплой шалью укутаю плечи,
Невзначай загрустив у окна.

Андрей БУГАЕВ

Ростов-на Дону, Россия

* * *

Закружило, запело, завьюжило.
Над домами пурги пелена.
Городское моё полукружие
Не поделит с зимою весна.
Заболит, закружится головушка
После выпитой стопки одной.
Ой, вы тещи, сестрёнки, золовочки,
Ожидайте бродягу домой.

Всё позёмка, метель, да ненастие,
Всё тревога, тоска да печаль,
С вами лёгкое хрупкое счастье
Разделить мне не жаль, нет, не жаль.
Вы расставьте, наполните круженьки.
За окном мокрый снег, мокрый снег.
Ой, девчонки, товарки, подруженьки,
Обниму, расцелую вас всех.

Непогода погодою сменится,
За годами промчатся года.
Перемелется, стерпится, склеится.
Лишь бы с нами вы были всегда.
Озорные, хмельные, ранимые,
Всё готовы забыть и простить.
Ой, вы, жёны, невесты, любимые,
Нам без вас не прожить, не прожить.

Ветерок все снежинки, снежиночки.
Подхватил, хоровод закружил.
И в девичьих сердцах льдинки,
льдиночки
Лишь дыханьем своим растопил.
Позабыты, упрятаны саночки,
И до лета уже только чуть.
Ой, сударыни, дамы, гражданочки,
Поживём, проживём как-нибудь.

* * *

Затянут тучами простор до края моря.
И плачет бархатный сезон
как будто в горе.
Унылых капель перезвон
чего-то просит.

По пляжу с сумрачным зонтом
ступает осень.

А море городу грозит.
Грозит штормами,
И ветер к берегу спешит
по-над волнами.

До горизонта там и тут барашков стая.
И база отдыха «Приют» почти пустая.
Но будет новая весна, и радость будет.
И вскоре к морю, как всегда,
придут люди.

И будет солнце им дарить
свои приветы...
Нам только зиму пережить,
и будет лето.

* * *

Всё начинается с весны,
С природы робкого движения,
Послушных губ прикосновенья
Среди полнотной тишины.

Всё начинается с тепла,
Когда под небом только двое.
Как хорошо в ночи с тобою
Смотреть на звёзды у костра.

Всё начинается с тебя.
Не знаю, скрою иль не скрою,
Всё начинается с тебя
И всё кончается тобою.

Всё начинается с любви
Ты можешь верить и не верить,
Когда попробуешь проверить,
Меня негромко позови...

Ольга ТАРАСОВА

Бруклин, Нью-Йорк, США

В КАРИБИЮ!

В Карибию, в Карибию!
Там за морями синими
Есть острова красивые —
Карибскими зовут.
А мы бежим от холода,
От суеты отколоты,
Совсем уже не молоды,
На лайнерский уют.

Глубины рассекаются,
Волна с волной играет,
А люди развлекаются,
Пока два дня пути;
Едят и пьют без усталы,
Наполненные чувствами,
Приятными и грустными,
Чтоб время провести.

Потом снимают лишние
Свои наряды пышные —
И верхние, и нижние,
лишь остров покажись.
На берега желанные,
На отмели песчаные,
На пляжи несказанные
Скорее устремись!

Забудь о днях усталости!
Ах, если б так до старости
Нырять, плескаться в радости
Лазерной струи!
Лови минуты лучшие,
Ничем себя не мучая —
Благослови везучие
Мгновения свои!

Арий СМИРНОВ

Москва, Россия

ПОДКАБЛУЧНИК

Я весёлый подкаблучник.
Кто сказал, что мученик?
Я любовник самый лучший,
а по сути — труженик.

Кофе милой заварю,
принесу на блюдечке,
разом грусть заговорю,
и Она — в улыбочке.

Приготовит ужин мне,
закус самый лучший.
Жизнь проходит, как во сне,
счастлив подкаблучный!

Пусть болтают, что хотят,
меня не касается...
В пляске каблучки стучат,
любовь продолжается!

ПАРОДИИ

Евгений МИНИН

Иерусалим, Израиль

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Когда-то я здесь пиво пил
И в ближний парк гулять ходил.*
Андрей Грицман

Главный редактор журнала «Интерпоэзия»

Наш Грицман самых честных правил
Стихом не в шутку занемог.
Он Пушкина слегка поправил,
Переименовал пару строк.
Его пример — другим наука,
Привычная для многих штука.
Подправил, господи прости, —
И ты у вечности в горсти!

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ
КОНЦЕРТ

*Падают женщины хилые!
Падают крепкий мужик!
Падают злые и милые!
И молодой! И старик!*

Валерий Дударев

Главный редактор журнала «Юность»

На поэтическом вечере
Я выступал как поэт.
Люди друг друга увечили
В драке за лишний билет.
Думал, что строчкой порадую,
Стал я читать, как привык.
Вдруг все внезапно попадали!
И молодой! И старик!
Только не пользуйтесь слухами,
Слышал врачей разговор,
Что не все люди очухались —
Кое-кто спит до сих пор...

ТАКАЯ ИСТОРИЯ!

*Мы получаем жизнь от Бога.
И всех роднит Всевышний дар.
Христос когда-то в синагогах
Молитвы древние читал.*

Андрей Дементьев

Христос мог поступить мудрее:
Ему бы, чтобы слышал Бог,
Стихи Дементьева Андрея
Читать в одной из синагог.
Стихи, конечно, дело вкуса,
Но разобрался бы Пилат —
И был бы вместо Иисуса
Андрей немедленно распят!

Владимир
ПОТАПОВСКИЙ

Гомель, Беларусь

У КОЛОДЦА

*Солнце весело смеётся,
Нам тепло своё дая.
На асфальте у колодца
Копоятся слесаря.*

*Ладно делают работу,
Песню звонкую поют.
И железное чего-то
В люк колодезный суют.*

*Я гляжу на лица эти
Зачарован, потрясён:
Хорошо, что есть на свете
Тот, кто чистит это всё!*

Сергей ПЛОТОВ

У ФОНТАНА

Вбок отбросив крышку люка,
Целясь прямо в небосвод,
Фонтанирует, подлюка,
Вверх — поток фекальных вод.

Солнце светит неустанно,
Нам тепло своё дая.
Над колодезем, у фонтана,
Копоятся слесаря:

Сединою убелённый
Мастер (знать, большой талант!)
И пацан, совсем зелёный —
Пэтэушник-практикант.

Старый мастер, очень ловко
Разложив вокруг ключи, —
Прыг! — в дерьмо нырнул с «головкой»...
Позже — вынырнул, кричит:

— Дай мне ключ на тридцать девять!..
Бульк!..
— Теперь — на сорок пять!
Надо шибче, паря, бегать:
Мне раз пять ещё нырять!..

Прям-таки подводный крейсер:
Бульк! — Опять нырнул на дно...
А из люка, словно гейзер,
Бьёт фонтаном вверх г...но!..

Вот фонтан пошёл на убыль.
Мастер вынырнул. Кивком
Хлопца подозвал:

— Вот рубль.

И сгоняй-ка за пивком!

Всё запомни и не кисни:
Не научишься, «студент», —
Так и будешь ты по жизни
Подавать всем инструмент.

...Я гляжу на лица эти,
и отрадно, братцы, мне:
Хорошо, что есть на свете
Тот, кто плавает в г...не!

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

На что мой взгляд ни упадёт,
то станет в мир впечатлено.
Отёчный свет аптек придёт
из переулочных темно.

За ним туманный гомон бань,
где пухнет матовая мгла,
и в гардеробе горбит брань
худую спину из горла.

И есть материя стиха,
когда выныриваешь вдруг
на ленинградские снега.
Бери. Они из первых рук.

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Мой взгляд вчера в стакан упал,
там было сыро и вино.
И что он там отколупал,
то стало в мир впечатлено.

Отёчный свет аптек пришёл,
за ним — муссонные свежо.
Вот, наконец-то, я нашёл
две главных буквы: “Мэ” и “Жо”!

Тошует яркое светло,
я вижу лишь четыре зги.
Надену шляпное тепло
на затвердевшие мозги.

Запряг в оглобли и-го-го
не стихотворной формы для:
пашу снега. Мне нелегко,
остались матерные “бля”.

Ищу по запаху оно.
Зацепит из-под снега плуг.
Лежало здесь уже давно.
Бери. Оно из первых рук.

Наум САГАЛОВСКИЙ
Стримвуд, Иллинойс, США

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

«Как вспомню — так вздрогну!»
Пословица

Ах, куда мне свой звонкий голос деть?
Я спою тебе — ты курей несси.
Ты не гой еси, добрый молодец,
ты другой еси, ты еврей еси.

Хоть ты моисси,
хоть ты брейсси,
ты не гой еси,
а ты еврей еси!

Ты узнай, дружок, хоть по сто миров,
пусть талант большой дал те Господи —
не возьмут тебя в ящик с номером,
не понравится там твой нос, поди.

Ты ногой меси
от дверей КИСИ*,
ты не гой еси,
а ты еврей еси!

Был бы ты блондин, был бы я блондин,
да звезда твоя далеко еси!
Как сойдёт в саду с белых яблонь дым,
так и ты, мой друг, успокоисси.

Успокоисси,
отогреисси,
ты не гой еси,
а ты еврей еси!

*КИСИ — Киевский инженерно-строительный институт

ГДЕ КОРЕНЬ ЗЛА И КАК ЕГО ВЫРВАТЬ (ЭССЕ)

«Гляди в корень!»
Козьма Прутков

То, что зло существует и широким фронтом ведёт наступление на человечество — общеизвестно. Лидеры стран пытаются его искоренить. Президент России, Медведев, объявил войну коррупции и вырвал тысячи мелких корешков этого зла. Президент США, Обама, молчаливо поддерживает протестное движение против финансовых акул Уолл Стрита. В Китае коррупционеры и вымогатели расстреливают, в некоторых мусульманских странах отрубают руки — и что? Исчезают ли от подобных мероприятий коррупция, воровство, грабежи, убийства, войны? Как бы не так. Ответ на этот вопрос также общеизвестен. Вот недавно так называемые «повстанцы» с помощью НАТО свергли грабительский режим своего «полковника», Каддафи, и что же будет? Ливийской нефтью овладели другие, повстанческие «полковники», а страны НАТО ждут причитающуюся им «долю».

«Люди гибнут за металл, сатана там правит бал» — эти слова из 19-го века, как нельзя более, справедливы для нашего 21-го века.

Какой же вывод? Коррупционеров, воров, грабителей, убийц, поджигателей войн объединяет одна общая страсть: любовь к деньгам. Вот в них-то и весь корень зла.

Как это ни странно, ближе всех к искоренению этого зла подошли Ленин и Сталин:

они низвели роль денег в жизни людей до минимума (при максимальном дефиците товаров и продуктов) и тем практически упразднили основу всеохватывающей коррупции. Добывание благ осуществлялось другими путями: доносами на соседей (для получения их жилья) и присвоением вещей и товаров «напрямую»: с помощью краж, грабежей, убийств. При так называемом советском социализме, при отсутствии возможностей сосредоточения огромных денежных масс в одних руках, не было современной дичайшей экономической пропасти между незначительным меньшинством и подавляющим большинством населения.

Но, изменив экономическую систему, «вожди» пролетариата пошли против собственной природы человека, и их эксперимент, несмотря на миллионы жертв, через 70 лет закончился плачевно. В США возникла другая проблема — из-за «вывоза» работ в слабо развитые страны (на законной основе) былой «средний класс» медленно, но верно сползает в бедноту при многомиллиардном росте состояний кучки «работодателей».

Выход видится в том, чтобы, сохранив естественное стремление людей к улучшению качества своей жизни, притом не лишая их орудий и средств производства (как при «социализме» в СССР), изъять из обращения денежную массу в виде долларов, евро, рублей, юаней и пр. — как инструмент, переживший своё прямое назначение расчётов за товары и услуги и являющийся ныне способом разного вида злоупотреблений, включая обогащение с помощью

коррупции и непомерной прибавочной стоимости, или удовлетворение амбиций любой ценой. Никакие рокировки в тандеме власти России или замена президента-демократа на республиканца в американском Белом доме ничего не изменят, пока миром правят деньги.

ПРОКЛЯТЫЕ ДЕНЬГИ

Деньги, проклятые деньги,
как изменили вы мир!
Были когда-то тверденьки
в городе и в деревеньке,
ныне — жестокий вампир.
Были задуманы мерой
мены овец, лошадей.
Стали вы богом и верой,
сферой, аферой, карьерой
сонма бесчестных людей.
Стали вы мерой обмана,
целенаправленной лжи,
сутью большого кармана,
прибылью телеэкрана,
вами живут грабежи.
С вами жиреют откаты,
правят людью брехуны.
Вами грохочут раскаты,
рвутся ракеты, гранаты
непреходящей войны.
Люди найдут вам замену
в мире неразберихи,
вас пригвоздят за измену,
раньше подвергнут вас тлену,
чем похоронят их.

Что же это за средство, которое заменит деньги?

Поговорим об их истории. Она общеизвестна. И всё-таки... В древности люди, имевшие стадо овец, но нуждавшиеся, скажем, в лошади, меняли несколько овец на одну лошадь. Когда оказалось, что не так-то просто найти желающего отдать лошадь за несколько овец, но можно встретить стремящегося приобрести корову, которой у овцевода не было, появился обменный эквивалент, названный деньгами. Было договорено, что стоимость овцы эквивалентна столько-то денежным единицам, коровы — столько-то, а лошади — столько-то. Постепенно выработалось не только ценообразование, но и естественное желание иметь как можно больше денежных единиц, чтобы улучшить своё благосостояние и утолять свои амбиции. Справедливо будет сказать, что деньги в истории человечества постоянно способствовали его прогрессу: жизнь всё усложнялась и разнообразилась, и, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что без денег никакого прогресса бы не произошло. Но всему своё время. Постепенно изыскивались пути присвоения всё большего количества денег, даже без конкретной надобности в приобретении тех или иных товаров и услуг, а как бы впрок. О таких «путях», как пиратство, грабежи, войны я уже не говорю, это, так сказать, «радикальные» ме-

тоды. А вот самым распространённым явлением стало то, что деньги постепенно превратились из эквивалента оплаты за товары и услуги в посредника между спросом и предложением. За деньги стали покупать не только недвижимость, товары и услуги, но и влияние, с целью получить всё больше тех же денег. Возник, как говорится, замкнутый круг. Как же его разомкнуть?

Вывод: Деньги должны быть упразднены. В мире «всё течёт, всё меняется». Когда-то не было не то, что интернета, не было ни паровозов, ни самолётов. Инквизиция наказывала людей за распространение идей о возможности полёта человека в воздухе. И. т. д., и т. п.

То же — с деньгами. Если человечество решится не покончить самоубийством, этот инструмент зла должен быть заменён. Заменён такой системой, которая бы обслуживала человечество напрямую, без гибельного «посредничества». Электроника, интернет, кибернетика — вот инструменты будущей функции «человекообмена», без жульнического посредничества. Сегодня сверхмощные компьютеры уверенно обыгрывают чемпионов мира по шахматам. Так и «человекообмен» должен совершаться без вмешательства посредников с липкими руками. Единица Пользы («ЕП») будущего должна заменить доллары, евро, рубли, юани... Эта «ЕП» должна работать по прямому назначению как функция специальной программы общемирового, Всемирного Компьютера («ВК»). В программе должно быть рассчитано всё, до последнего винтика, последней конфетки или последней лекарственной таблетки, учтены все трудовые и материальные затраты, степень квалификации производителя и многое, многое другое. Производители материальных благ будут получать вознаграждение не деньгами, оставшимися от так называемых провайдеров, а то и просто спекулянтов, а непосредственно Единицами Пользы со счёта потребителя. И никто «по дороге» ничего не перехватит, никакие хакеры, найдётся способ, как и их схватить за руку. А главной целью людей станет не то, как получше обхитрить ближнего, а как принести этому ближнему побольше пользы в соответствии со шкалой программы. Тогда и «ближний» автоматически переедет на счёт поставщика соответствующее количество «ЕП». И отношения работодателей и работников, а также между властями и их «подданными», так сказать, устаканятся. Сложно? Пока да. Но уже сегодня есть компьютеры, производящие триллионы операций в секунду. Уже сегодня есть прямая связь между продавцом и потребителем по интернету. Вот только, как на это посмотрит сонм сегодняшних жуликов? У них ведь есть палки, чтобы совать в колёса истории. И кто всё это будет пробивать?

Само человечество, когда приблизится к самому краю гибельной пропасти.

Помимо финансовых у человечества есть ещё достаточно иных проблем. Но это уже тема отдельного разговора.

Зиновий КОРОВИН

Бред собачий или Ж с большой буквы

Сколько раньше ни махали люди руками с привязанными к ним крыльями, не прыгали с крыш, обрывов, но никак не могли взлететь. Сегодня в сверкающих металлических трубах летают миллионы людей, спят, читают, едят, ходят в туалет, а через пару часов, но уже черте где, продолжают делать то же самое. Сколько я не прыгал в длину, вверх, ничего хорошего не вышло. Голубое небо с облаками и пыльная тропинка с подорожниками были свидетелями моего позора. Но в один прекрасный день, а точнее ночь, иду я как-то с друзьями и вдруг мои ноги перестали касаться земли. Руками ничего не делаю. Хочу подняться на метр, поднимаюсь. Ребята:

— Хи-хи, да ха-ха. А над городом летать можешь?

— Не знаю, наверно, могу, — и вздохнув полной грудью, полетел над гастрономом. Вы бы только видели рожи этих мухоморов! Летал я примерно месяц-два и так привык, как будто всю жизнь летал. Днем стало скучно жить и я ждал, когда настанет ночь. Нет проблем с заторами на дороге, стоянкой, бензином. Появилась куча свободного времени, денег. Начал писать стихи, есть шоколадные конфеты. От полетов лицо немного обветрилось. К сожалению, все хорошее быстро кончается. Снова стал спать как бревно с глазами, и никто уже не кричал с восторгом: — Ну ты, Миня, вообще, даешь! Помните картину Шагала, где летит влюбленная пара? Так я к ней стал ходить как на молитву.

А что происходило на городском пруду. Плыву, плыву, плыву, силы на исходе, а до берега далеко, ой как далеко, а до дна ближе и холоднее. Берег усыпан народом на тряпках с водкой, пивом и калбасой. Всем, всё по барабану. Выходной. Только перестану барахтаться, так сразу начинаю погружаться вниз и присутствовать на своих похоронах. И так всю жизнь, а чугунные корабли, тупые баржи, если и не плывут, всё равно не тонут. Люди, кто потрезвее, говорят «наука там, наука здесь» дальше не помню, но вы уже догадались что я думаю по этому поводу, повторяться не буду.

Возьмите гусеницу. Еды завались-целое дерево, парк, лес! Ешь — не хочу. На работу ходить незачем. Одежда пушистая, красивая. Потом летают бабочкой, где хотят, познают мир и опять в кокон-коап, где ни за что платить не надо, и всё это чудо происходит за сутки, а мне надо было прожить 20 лет и учиться зарабатывать на еду, одежду, стоять в очередях, бегать, ругаться, а уж летать, как бабочка над кустами... У змеи рук нет, ног нет, а плывет себе, не стесняется. А до чего додумались зайцы? Вот где чистый расизм и дискриминация. Когда снег — они белые. Снега нет — серые. Жене лисий воротник купить — месяц вкалывать надо, а лисице бог бесплатно аж в зад воткнул. Вот так-то! А что люди вытворяют? Тысячи не хотят быть теми, кто они есть — притворяются другими, и еще деньги за это получают. Сегодня он Гамлет, а завтра дядя Ваня. Незнакомые тетки весь вечер тарыхтят, что они

Три сестры, а я точно знаю, что у них разные родители. Нашли дурака! Это всё, конечно, по закону, а сколько прикидываются просто так, бесплатно. «Я твоя жена, люблю. Корми! Плати! Где деньги? Я твой друг, люблю. Корми! Плати! Дай взаимно». Сколько миллионов одели белые халаты и убедили всех что избавят от страданий, а избавляют от денег, и страдают, когда вы нечаянно выздоровеете. Правители — сыны народа кричат: «Народ! Потерпите! Мы сделаем, чтобы все хорошо жили», — а сил у бедненьких хватает, чтобы им было здорово. Терпим. Есть в толпе, конечно, счастливики. Встретит золотую девушку у, которой все есть от папы и мамы, или тихо ограбит банк и никому не проболтается. А другой найдет ручей с золотом, откопает нефть или уголь, вот и миллионер. Так что, как увидите мужика с лопатой, сразу за ним. Просто так с лопатой не ходят. А теперь о главном. Что такое Ж с большой буквы. Конечно, это не то, что пришло вам в голову. Это Ж не на двери в туалет, Это Жизнь — которая вам «дается один раз». Дали - и Ж с тобой! Многие не знают, что с этим Ж делать. Вешаются, стреляются, пропивают. Многие знают, что с вашей Ж делать и направляют вас на фронт, в котлован, короче, на Х, не подумайте, на Харьков. И чтобы не кончать юмористический рассказ на минорной ноте, давайте дружно споем старую веселую песенку: «Оранжевое море, оранжевое небо, оранжевая мама, оранжевый верблюд».

Миша НЕРЖИН

Когда кошке хочется любви

Моя маленькая Даша пришла ко мне с серьезным лицом и неожиданно сказала:

- Мама! Выбирай: или братика-сестренку, или кошечку-собачку, или рыбок. Чего ты хочешь?

Я задумалась. Пожалуй, братика-сестренку я не потяну. Муж зарабатывает мало, сама я тоже со своим болгарским языком никому не нужна, так что денег на ребенка пока не хватит.

С собачкой, говорят, возни много – гулять с нею надо, заниматься дрессировкой, а то еще покусает кого-нибудь; кормить как-то по-особому и всё такое прочее. С кошкой, конечно, проще, но... тоже забот требует животное это симпатичное. Не все кошки одинаково любят макарон и пюре. Рыба им нужна, но и она вредна для почек (где-то я читала про это). А чем еще кормить? Мясом? Да, мой драгоценный муж не каждый день его ест, а тут кошечка со своими запросами. Подерутся еще.

Так что давайте возьмем лучше рыбок. Они спокойные, плавают себе и никому не мешают. Знай, корм им подбрасывай и наблюдай за их плавным шевелением.

Так наивно я думала про рыбок и радостно согласилась купить аквариум. Дочка была тоже рада – все, какое-никакое развлечение. Куклы-то надоели, игрушки сломались, книги прочитаны. Чем еще заняться в шесть лет? До школы – целый год. Там и будут свои радости и горести, а сейчас хочется чего-то необычного. Пусть будут рыбки. Не у всех ее друзей есть рыбки. И потом они дешевые. Можно сразу купить десяток, всяких разных, а потом подругам в садике хвастаться.

Итак, в воскресенье мы поехали на Кондратьевский рынок. Купили аквариум, купили гуппи, неонов, еще каких-то мелких, и потом уже в конце нашего дефиле по рынку, прикупили парочку золотых, как сказал нам продавец – «красных шапочек». Чудесных карасиков с широкими хвостами и красными нахлбучками на голове. Знающие люди подсказали, что надо еще взять такую штуку, которая им в воду кислород подает, то есть такие мелкие пузырьки пускает. Не помню, мои дорогие, как эта хреновина называется. Простите.

На удивление, денег ушло много. Хорошо, что взяла побольше на всякий случай. Водоросли, ракушки, корм живой, корм сухой... Да, не думала я, что рыбки – занятие не из дешевых.

Перед поездкой я торжественно взяла с дочки честное слово, что она будет меня слушаться, что перестанет разбрасывать свои игрушки, будет есть суп и ложиться спать по первому моему тарзаньему крику.

Верите ли вы, что ребенок в шесть лет помнит о своих обещаниях больше пяти минут? А я верила. Ха-ха-ха. И очень обижалась, что спать вовремя мы не ложимся, утром в садик не встаем, игрушки валяются на каждом шагу, суп не едим, то же самое и с пюре. А зачем я тогда рыбок тебе покупала? Ведь ты обещала! И мне так хотелось порядка и дисциплины, а получились анархия и хаос.

Естественно, рыбки стали моей заботой.

В первый день, когда мы их привезли, наполнили аквариум водой, включили пускатель пузырей, наладили камешки и водоросли, запустили наших мелких друзей, дочка долго зачарованно наблюдала за ними. И кричала, и показывала пальцами, и смеялась, и прыгала от радости. На второй день такого восторга уже не было. Через неделю она почти к ним не подходила. А когда я строго спросила: «Зачем же ты просила их купить?» Она честно ответила: «А их в руки не возьмешь и не поиграешь, они скользкие, я уже пробовала».

Таким образом, никому не нужные рыбки прожили у нас примерно полгода. По своей привычке к порядку и чистоте, я меняла им воду каждые четыре дня. Перед этим воду отстаивала, как мне велели знатоки. Потом рыбок вылавливала сачком, чистила аквариум, наливала новую воду и потом из банки выплескивала их обратно в аквариум. Долго терпели мои издевательств несчастные хладнокровные существа, но, в конце концов, им это надоело, и они стали по одной – по две умирать. Для меня это было непонятно и ужасно. Слезы капали у меня из глаз, когда я вылавливала очередную жертву моей излишней заботы. В конце-концов, осталась одна «красная шапочка», которой, конечно же, теперь доставался весь корм и которая росла не по дням, а по часам. Мама моя к ней очень привязалась. Кормила её непрерывно, и рыбка уже стала узнавать её и выплывала к ней, высунувшись из воды наполювину, почти как в мультфильме про рыбака и рыбку, и открывала рот так широко, что запросто могла бы заглотить не только мой палец, а, пожалуй, и всю руку.

Мой пятнадцатилетний племянник, приехав однажды к нам в гости, увидел эту маленькую рыбку с интересной кличкой «Шапка» и стал просить, чтобы мы её отдали. Я недолго сопротивлялась. К этому времени мне уже надоело ездить через весь город за кормом. Чистить аквариум. Всё время держать в голове – всё ли правильно я делаю. К тому же оказалось, что рыбки меня не успокаивают, а, наоборот, держат в каком-то напряжении. Я

отдала «Шапку» с легкостью. К сожалению, и у племянника рыбка не прижилась. Других он не завел, так что эта эпопея закончилась довольно плачевно. Я не стала спрашивать, что он сделал, когда она перестала дышать (не хочется произносить грубое слово). Вполне возможно, для эксперимента, подходящего для его возраста, он мог её и поджарить.

Теперь про кошку. Дочка подросла. Учила печальный опыт с рыбками и стала просить котенка. Тут я стала делать страшные глаза, заламывать руки и, изображая трагическую греческую актрису, стонать: «Никогда! Мне рыбок на всю оставшуюся жизнь хватит».

Однажды все-таки Даша принесла какого-то замученного котенка, но у него был такой страшный понос, что пришлось вернуть его обратно в подвал.

На какое-то время дочь успокоилась. Так, по крайней мере, мне показалось. Однако судьба любит настоять на своем. Так что история с котенком уже была написана кем-то сверху, осталось только разыграть эту пьесу. И я тоже получила свою роль. О которой теперь уже не жалею.

Подруга моей мамы откуда-то прознала, что любимая мамина внучка хочет котеночка. В те времена, то есть в благословенные годы реального социализма, каждый подъезд подкармливал по меньшей мере одну кошку. Рыба стоила копейки, её покупали все, кому не лень, а в доме нашем жило человек сто. Так что котам и кошкам жилось привольно. Если помните мультфильм про попугая Кешу и жирного кота, который в одной лапе на вилке держал сосиску, а в другой приличный кусан рыбки, и говорил: «Таити, Таити, нас и здесь неплохо кормят», так это абсолютная реальная история. Наши коты были почти ручные, некоторые даже очень и очень ласковые. Возле парадной стояли скамейки, на них сидели бабушки, и какая-нибудь из них непременно держала на коленях симпатягу-котика.

В таких райских условиях кошки и коты не отказывали себе в удовольствиях, поэтому котят появлялись регулярно.

Итак, соседка принесла кошечку и умилно на меня глядя, прососюкала: «Вот, Варя сказала, что Дашенька хочет котеночка, а у нас за батареей как раз и сидит кисюля эта. Посмотри, какая хорошенькая. Возьмите её, не погибать же малышке. Она вам в дом радость принесет, вот увидишь!». После этих торжественных слов она положила мне в руки маленький пушистый комочек и, довольная, что пристроила сироту, ушла.

Никакого удовольствия от этого неожиданного подарка я не получила. Конечно же, Даша опять будет обещать мне послушание и хорошие отметки в школе, но я уже этому не верю. А заботы все свалятся на меня, сомнений не было.

Муж, мама, дочка, работа, еще и кошка! Кормить, поить, ухаживать, выносить «отходы производства»... А на личную жизнь где взять время? Не нужна мне эта радость. И как всё это нектати.

Я стояла, держа комочек в руках, и не знала, куда его положить и что с ним делать.

А он вдруг раскрылся, как ежик. Маленькие лапки вцепились в меня, мордочка потянулась к уху, тоненький шершавый язычок стал облизывать щеку и послышался какой-то тихий звук, похожий на слабенький моторчик. Я прижала кошечку к шее: она была такая тепленькая, моторчик заурчал громче, ротик коснулся уха и... такая теплая волна меня окатила. Я вспомнила, как первый раз мне принесли в роддоме мою крошку и как она взяла грудь и, закрыв глазенки, стала сосредоточенно сосать молоко.

Нельзя сказать, что это было абсолютно похоже, но я вспомнила именно нашу первую встречу с дочкой. Ведь и там, и здесь – маленькое беззащитное существо и, даже осмелось сказать, - ребенок, пусть и кошачий.

К вечеру у кошки уже была подстилка, кюветка, пипетка, молоко и всё, что полагается в таких случаях. Дочка радовалась, таскала котенка по квартире, заворачивала в одеяло, баюкала, какие-то платочки и шапочки пыталась одеть ему на голову... Котенок всё терпел. Иногда только открывал маленькую розовую пасть и тихо шипел.

Оказалось, что наша кошка, по имени Муся, была настоящей дворянкой, то есть неприхотливой, неизбалованной, понятливой. Единственный в ней был недостаток – полное отсутствие чувства юмора. Всё она воспринимала всерьез. И поэтому была пугливой и недоверчивой.

Я привязалась к Мусе. Заметила, что если настроение плохое, надо кошечку подержать на руках. Через пятнадцать минут нервы успокаиваются. Обиды проходят. Злиться уже не хочется. Понимаешь, что лучше взять умную книжку и почитать, а теща и зять пусть сами разбираются между собой. Может, они так развлекаются, и им нравится ругаться. Зачем же я буду встречать и портить им удовольствие!

Кошечка росла. К десяти месяцам она стала уже взрослой. Природа её дворовая стала просить естественных отношений с дикими

котами. Я вначале к этому отнеслась шутливо. Ну, думаю, побегаёт, помяукает и успокоится. Однако ее душераздирающие (именно тогда я поняла точное значение этого слова!) и отчаянные мяуканья, которые усиливались многократно именно ночью, быстро заставили меня отнестись к этому процессу серьезно. Двадцать лет назад не было таблеток «от секса», поэтому каждый спасался, как мог.

Кто-то сказал, что кошку нельзя стерилизовать, если она не котилась. Я поверила и решила найти ей жениха. Пошла по нашей улице и стала присматриваться к симпатичным дворовым котикам, чтобы, значит, угодить нашей страдалице.

Недолго я искала – буквально за поворотом вышел прямо на меня роскошный рыжий кот. Шел он вальяжно, хвост имел пушистый, почти лисий, грудь у него была белая – в общем, не кот, а победитель районного конкурса красоты. Недолго думая, я взяла его на руки. Он не сопротивлялся. Принесла домой и предьявила нашей «не целованной девушке».

И что вы думаете? Муся выгнула спину, дала красавцу по морде и зашипела! Котик, почти как собака, поджал хвост и резво побежал к дверям. Я сразу почему-то поняла, что любви не будет. Пришлось отпустить кота и задуматься над превратностями женской души. Будь я на месте кошки, да я бы к этому коту сразу прыгнула в объятия, а ей, видно, чувства нужны! А, может, запах не понравился... и потом он так трусливо убежал, вместо того, чтобы еще раз получить по морде, но всё-таки добиться своего.

На следующий день, опять не выпавшая из-за Мусиных громких страданий, я пошла уже по другим дворам. Как назло коты все попрятались. Хоть бы один, какой завалившийся вышел. Где-то вдалеке мелькнул кошачий хвост, и я понеслась за ним, как на уроке физкультуры, пытаюсь догнать убежавших далеко-далеко моих быстрых одноклассников. Котик не хотел идти навстречу своему счастью. Пытался вырваться и даже оцарапал мне руку. Но я решительно прижала его к груди, задние лапы взяла, что называется, в клещи, и он понял, что участь его решена.

Когда я внесла его в квартиру, Муся не вышла даже из любопытства. Кот обнюхал углы, бодро пошел в кухню, сразу же намылился к Мусиной тарелке с едой и быстро всё съел. Когда Муся вышла, ему уже было хорошо и без неё.

В этот раз она не стала драться, я бы даже сказала, изобразила на морде какой-то интерес. Подошла поближе, мяукнула и повалилась на бок. Кот абсолютно не реагировал. Он опять вернулся к тарелке. Облизал её и посмотрел на меня. Типа, это всё? Или еще угощенье будет? И уберите, наконец, эту ненормальную кошку. Чего это она у вас валяется на полу. Ей что делать больше нечего?

Из всего этого я сделала вывод, что котик наш, к сожалению, кастрирован... И мы расстались. Навсегда.

Мама моя, видя мои неумелые попытки найти достойного жениха для Муси, решила тоже поучаствовать в процессе.

Она порасспросила старух, что и как, - и нашла нормального действующего кота. Маме в ту пору было уже за семьдесят, ноги ходили плохо и, когда она несла кошачьего жениха домой, зацепилась за корень березы, которая росла прямо у подъезда, и упала. Прямо на кота... Рука при этом непроизвольно подогнулась и

Галина Кириллова

Переводчик болгарского языка. Родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский университет, исторический факультет. Со второго курса записалась на филфак изучать болгарский язык. Потом была переводчиком, экскурсоводом, работала в болгарском консульстве. Так получилось, что однажды попробовала сочинять стишки к дням рождения друзей, потом – маленькие рассказы, потом рассказы побольше, дальше – больше – получила главный приз на конкурсе стихов в стиле японских хокку и... всё это мне очень понравилось. Сейчас я на пенсии. Живу с дочкой и внучкой в Санкт-Петербурге. Хожу на курсы рисования и пишу юмористические рассказы.

влетела в глаз. Бедная моя мама, мало того что упустила добычу, так еще и разбилась серьезно. А, так как она не привыкла сдерживаться в выражениях, то добравшись до квартиры, сказала резко: «Такую вашу мать, с вашей ё-й кошкой, чтобы завтра же отнесли к врачу и стерилизовали! Я из-за нее чуть инвалидом не стала...»

На следующий день у мамочки под глазом возник приличный синяк и ей пришлось одеть черные очки. Ее подружки-старухи стали наперебой её расспрашивать, кто ей глаз подбил. Не зять ли случаем? А с виду вроде такой хлипкий. Вот какие нынче мужики пошли, а еще городской! Мама часто им жаловалась, что зять ей не нравится. Что он, мол, не заботливый и не услужливый, и сообщала еще много всяких других подробностей, поэтому наша семейная жизнь обсуждалась соседками почти так же, как сейчас обсуждаются сериалы.

На все вопросы и едкие комментарии по поводу синяка мама старухам отвечала в свойственной ей манере настоящими русскими словами, без купюр. Они и отстали. Но история с синяком долго еще гуляла по району. А на мужа моего, субличного художника, соседки стали смотреть с опаской.

В эти же дни пришла в гости моя подруга в собольей шапке. Положила шапку на спинку дивана и... Муся влюбилась в неё с первого взгляда. Боже мой, какие громкие мурлыканья и нежные гортанные мяуканья вдруг прорезались у нашей кошечки. Как она осторожно лапкой касалась необычного меха... Как терлась щечками и как поворачивалась хвостиком к любимому существу. А шапка молчала. Лежала себе тихо и не отвечала на эти нежности. Вот что значит безответная любовь!

Мне было и смешно, и грустно. Очень хотелось провести аналогично с нашей женской тягой к необычному и прекрасному. Даже, если предмет нашей трогательной привязанности – неживой. В переносном, конечно, смысле. Главное, что с виду всё так замечательно. И даже, не побоюсь этого слова, богато.

А у Муси так и не случилось прекрасного любовного приключения. О чем и я, и она очень жалели. Но такова жизнь. И с этим ничего уже не поделаешь!

Свадебное

Топор был свеж и побрит. Запах его одеколора излучал силу и мужественность. Он был готов к самому важному дню в своей жизни. Недавно он увидел молодое и веселое тутовое дерево, шелковицу, в ветвях которой иногда делал короткую остановку ветер.

Топору шелковица очень понравилась, и он захотел, чтобы она навсегда принадлежала ему. Он захотел её, как земля хочет солнца.

В это утро он пришел к ней. Приблизился к шелковице и сказал те слова, которые повторял во сне всю ночь:

- Стань моей женой, прошу тебя.

Шелковица задрожала от неожиданности, но его слова были приятны ей. Топор излучал смелость, неустрашимость, очарование.

Она покраснела всеми своими веточками. Шелковица давно уже слышала о нем. Яблоня, что слева от нее, в подробностях рассказывала о его смелости при ампутации засохших и старых веток. Черешня восхищалась его работоспособностью. С годами всё сильнее распространялась легенда о том, как топор метко расправился с сорняками, которые угрожали её здоровью и жизни. Петух и курочки каждый день пели песни о его великих подвигах, его победах в битвах с лисой. Молодая шелковица втайне мечтала о встрече со знаменитым топором.

- Я буду справедлив, я – могучий и щедрый!

Она смотрела на него и молчала. Ждала, чтобы он продолжал её убеждать. Ей были приятны его ухаживания.

- Я обещаю заботиться о тебе и защищать!

Она слегка пошевелилась, посмотрела на него внимательно. Он – серьезный. В его словах нет никакой шутки.

- Как ты мне нравишься! Так нравишься, что я ни с кем не могу тебя сравнить, ты – лучше всех, кого я знаю.

Какой прекрасный концерт душевных слов. Даже более красивый и приятный, чем птичьих песни. Ей хотелось танцевать, танцевать с ним.

- Я люблю тебя! Прощу тебя, покажи, как ты меня любишь – попросил он.

- Да. Я люблю тебя!

Топор коснулся её тела. Он начал гладить её и целовать, продолжал касаться её... то выше, то ниже... и так до того момента, пока его избранница не упала к нему в руки. Они были вдвоем – Он и Она.

Свадьба могла начинаться.

Христина ПАНДЖАРИДИС
Перевод с болгарского - Галины КИРИЛЛОВОЙ.

Светлана Тишкина
Представитель изданий «Интеллигент»

Это я, ваш Луганск

1

На заре просыпается тихо Луганск,
Наряжается солнечным светом,
Чистотой улыбаясь, приветствует нас,
Это стало хорошей приметой.

П-в.

Это я, ваш Луганск, город-труженик ваш,
Дорогие мои, луганчане!
Век от века крепчал, разрастался для вас
Чтоб дружили во мне горожане.

2

Луганчане спешат кто-куда много лет,
Каждый вносит в меня свою лепту.
Тот, кто любит Луганск,

улыбнётся в ответ,

Это стало хорошей приметой.

3

Кварталами ушел я на юг и восток,
А центральный район в граде этом
Перекрестками лёг легендарных дорог,
Это стало хорошей приметой.

4

Утопаю в садах и цветении роз.
Посадите скорей, где их нету,
Исправляется, знайте, любой перекоп,
Это стало хорошей приметой.

Ах, Расеюшка

1

Нет, не зря учил мудрейший Праотец,
Жизнь вдохнувший

во Славянский наш венец:

Только Миром споры Братьям разрешать,
Дом хранить да уважать Отца и Мать.
Что-то грустно стало нынче на Руси,
Нездоровый дух терпеть уж нету сил.
Кто же взял исконных Русичей в полон?
Покатилась жизнь народа под уклон.

П-в (Рус.)

Ах, Расеюшка, исконная ты Русь,
Распустила Славных деток почему?
По обычаю должна Родная Мать
В горе, в радости всех деток созывать.

П-в (Укр.)

Ах, Расеюшка, відвічна ти Русь,
Розпустила Славних діточок чомусь?
По звичаю ты повинна, Рідна Мати!
У горі, радості всіх діточок скликати.

П-в (Белорус.)

Ах, Расеюшка, спрадвечная ты Русь,
Распустила Слаўных дзетачак чаму?
Па звычай ты павінна, Родна Маті
У горы, радасці ўсіх дзетачак склікаці.

2

Если враг стучался во родимый Дом,
Не случился, дабы, злой какой погром,
Всем народом гнали ярого врага
За леса, луга, родные берега.
Если горе приносила нам война,
Отпевали горе, выплакав до дна.
Подвиг Русичей — сынов и дочерей
До сих пор трепещет в пламени свечей.

3

Если радость наполняла Отчий Дом,
Накрывала Мама, чем богата, стол.
За столом таким хватало места всем:
Детям, Правнукам и не было проблем.
Ах, загадочная Русская Душа!
В дружных песнях до чего ж ты хороша!
Не пора ли, Мама, ставить пироги?
Всем сынам собраться вместе помоги.

***

Такой пушистый, чистый, белый
Всё падал, тая, в слякоть луж.
Снег жертвовал собою смело
В предвестье скользких зимних стуж.

И ледяной бронёю утро
Оделось, землю защитив...
И не заметило как будто
Людских падений негатив.

ЛЮСЬКА

Ренате Глуценко

С первой минуты своего появления в квартире Люська дала нам понять: кто в доме хозяин.

Она не спеша обошла все комнаты, осмотрела мебель, обои, сунула свой нос в каждый угол и улеглась на диване. Теперь стол в зале принадлежит ей, ей принадлежат сервант, серктер, шифоньер, книжный шкаф и книжные, под самым потолком, полки. Да, еще и компьютерный столик теперь ее.

Появлению Люськи предшествовал тяжелый недуг, постигший мою жену. Доктора, медицинские сестры, уколы, таблетки способствовали лишь временному и незначительному облегчению. Нужно было что-то отвлеченное, неординарное. О поездке к морю, на курорт не могло быть и речи.

- Папа, - позвонила мне дочь, - как ты смотришь, если я принесу вам кошечку. Малюсенькую, пушистенькую.

Звонок дочери застал меня врасплох. Она знала, что я категорически против держания в квартире каких-либо животных, тем более котов и кошек. Мысли вихрем закружились в моей голове. Вспомнились не раз читанные материалы и рассказы моих знакомых о том, как кошачьи благотворно действуют на психику человека, улучшают его тонус, продляют жизнь, излечивают от болезней.

- Ты что молчишь? - вывела меня дочь из задумчивости.

- Позвони маме.

- Звонила. Она сказала, чтобы я позвонила тебе.

Конечно, я и в этот раз был против всяких кошек, но состояние жены беспокоило меня и склоняло к тому, чтобы поступиться своим принципом, сменить свое убеждение. А вдруг и правда, кошка - четверногий лекарь?

- Папа, прояви милосердие, - упрашивала меня дочь. - Кошечка такая хорошенькая, всем нам очень нравится. Откуда она появилась, никто не знает. Мы ее здесь кормим, жалеем. Ей нужна семья, квартира. Ее бы взяли, но у всех дома свои кошки есть.

Веский довод дочери «проявить милосердие» подействовал на меня.

- Ну, приноси, - сказал я так, будто брал на душу тяжкий грех.

- Спасибо, папа! - обрадовалась дочь.

После работы она на минутку заскочила к нам, достала из хозяйственной сумки и опустила на пол драгоценный подарок - маленький черный пушистый комочек: - Это Люська! Посмотрите, какая миленькая!

Я ожидал какую угодно Люську, только не такую черную! Черная кошка - ведьма! Во всяком случае, так укоренился в нашем сознании отголосок народного фольклора. Что делать? Не выставлять же ее за дверь, не обижать дочь.

Не сомневаясь в том, что мы безоговорочно примем котенка, дочь, в семье, которой вот уже не первый год проживает флегматичный кот Стасик, - дикарь! как я его называю, порекомендовала, чем кормить кошечку, как за ней ухаживать, что ей позволять и что позволять не следует.

Люська оказалась врожденным интеллигентом. Благородных кровей. Она приняла условия сожительствва и приступила к нашему воспитанию.

Первые дни Люська в самом деле вела себя так, как об этом доводилось читать и слышать. Она ложилась на грудь или на бок моей жены, обнимала передними лапками, будто впитывала в себя ее недуг.

На кухне Люська появлялась только тогда, когда туда приходили мы. Она не крутилась под ногами, не выворачивала нам душу пронзительным мяуканьем, а после мягкого «мав-мав» терпеливо, широко раскрытыми глазами пронизывала нас насквозь.

- покорми ребенка, - говорил я в таких случаях. - слышишь, она сказала: «ма-ма»!

К нашему удивлению, Люська отказалась есть молоко, сыр и всякую колбасу. Ее излюбленная еда - килька черноморская, которую жена отваривает и тщательно перебирает. Иногда Люська может позволить себе откусить сметанку.

Любители мороженого, мы однажды угостили ее пломбиром. Люська с удовольствием вылизала дно блюдечка и еще долго с умиле-

нием облизывалась. Так и пошло. Едва мы говорили: - Люська! Мороженое! - как она, где бы ни была, прибегала или степенно приходила на кухню со своим «мав-мав».

Всякий раз под утро Люська запрыгивает на постель моей жены, аккуратно ступая по покрывалу, подходит к уху своей кормилицы и не громким мяуканьем будит ее. Если кормилица отмахивается, Люська выпускает коготки.

Однажды, проснувшись, мы не увидели Люську на своем месте. Не оказалось ее на кухне, в зале, на балконе.

- Люська! Люська! - переполошились мы. - Люська!

Люська беззвучно выползла из-под кровати, лапки ее не держали. Она попыталась что-то произнести, но на это у нее не хватило сил, из горлышка выдался какой-то хрип.

- Что с тобой, Люська! - подхватила жена на руки кошечку. - Ой, она заболела! Ее носик сухой и горячий! - Вот твоё мороженое! - накинулась на меня жена. - Люська, мороженое! Люська, мороженое!

- Да нет, это она всю твою хворь в себя вобрала. - Каждый из нас остался при своем мнении. Но встревожились мы одинаково. Люська ничего не ела.

- Где вы так застудили котенка? - удивился кошкин доктор, померяв температуру Люськи. - Это же надо - сорок!

- Нет, не застудили. Мороженым накормили. - Что-о-о? Мороженым? Вы с ума сошли! Разве можно! Мороженым!

Кошкин доктор приписал Люське пять болезненных уколов. Люська стойчески выдержала их, хотя и кусала и царапала. Больно ведь! Слушая рассказы жены о поведении Люськи при уколах, я говорил: - Эта Люськина когтетерапия благотворно скажется на твоём здоровье.

Постепенно Люська пошла на поправку. К ней возвращалась ее прыть и резвость. С разбегу она вцеплялась в портьеры и раскачивалась на них, оставляя следы своих когтей. У жены появилась новая забота: штопать поврежденные места.

В ответ на наши жалобы дочери, что Люська исцарапала углы кресел и дивана, слышали: - Подумаешь, кресла! Да их вам давно пора выбросить, а диван купить новый. - Превращенные Люськой красивые обои в лохмотья дочь советовала заменить.

Заприметив в кресле тигра, красивую, хорошо сохранившуюся, мягкую игрушку, купленную мной дочери, когда ей исполнилось два годика, Люська набрасывалась на него, как на свою добычу, хватала за ухо и, хотя он больше ее, легко втаскивала на диван, валила навзничь, царапала брюхо и морду, кусала за нос, тащила за хвост, падала на пол и каталась с ним по ковру, давая волю своим задним лапкам, пока тигр не надоедал ей. Тигра жена убрала подальше.

В конце каждого рабочего дня Люська терпеливо ждёт меня у порога входной двери. Когда я задерживаюсь, она вопросительно смотрит на жену.

- Что так смотришь на меня? Откуда я знаю, где он ходит! Вот придет, ты его и спроси!

Или, едва слышит звон ключей, как тут же срывается с места, где бы она ни была, и оказывается у двери.

Я еще не переступил порог, а Люська начинает свой галдеж: «Мяу, мяу, мяу...»

Я сажусь на низкую табуретку, Люська запрыгивает ко мне на колени и, мурлыча, укладывается. Я глажу ее черную лоснящуюся спинку, бархатные лапки, за ушками, она жмурит глазки и, вытягивая мордочку, подставляет шейку.

- Твоим пушистым хвостом, Люська, можно весь подъезд заметать. И откуда он у тебя такой!

Однажды, Люська, как всегда, вскочила на стол и «мурлыкнув» улеглась на раскрытые страницы журнала. Я взял поясок и слегка и беззлбно хлестнул ее, крикнув:

- Брысь!

Люська перелетев на диван, плюхнулась в него и, вскочив, громко, дерзко, сверкнув фосфорическим взглядом больших округлившихся глаз, с вызовом, крикнула мне:

- Мяу! - Не ожидая такой реакции, я рассмеялся, и тут же мне стало стыдно за свой поступок. Незаслуженно обидел Люську.

Люська, очень умная кошка, и руку на нее я больше не поднимаю.

Юрий ЦЫГАНКОВ-СЕРЕБРЯКОВ

Людмила Деева

***

Уже ноябрь вздохнул устало,
Он так старался слез не лить,
Ведь дней ему осталось мало,
И мы не сможем их продлить.

Но в этот год, нас всех жалея,
Морозы он не допускал
И только, красками серея,
Холодным видом удручал.

Но вся душа его светилась
Особым светом и теплом,
Хоть стая черных птиц носилась —
Предвестник зимних холодов.

Но все напрасно: он упрямо
Приметы те не замечал,
Лишь обнаженный лес корявый
В своем бездействии скучал.

Тому шуметь листвою, либо
В снегах глубокою крепко спать...
А люди: «Ах, ноябрь, спасибо,
Что смог ты осень задержать!»

***

Сколько злата, сколько меди
У парнишки-октября!
Но пускает все на ветер,
Щедро золотом звеня.

С бабьим летом рассчитался
(Эта участь по душе),
Налегке теперь остался,
А вернее — в неглиже.

***

Мне нужно было закричать
От нестерпимой в сердце боли
И гордости сорвать печать,
И чувствам предоставить волю.

И, может, ты не сделал шаг,
Что стал для нас непоправимым:
Я жертв не знала б на кострах,
Не сотворил бы ты руины.

Ты жаждал бурных чувств моих:
Обиды, слез и возмущенья.
Наверное, обрел в них
Моей любви все подтвержденья.

Но я смолчала, как на грех —
Где не смогла б смолчать другая,
Победы гибельный успех
В делах любви не понимая.

Достоинство во всех чертах
Я сберегла, душою плача...
И вот — на разных берегах:
Попутал бес нас, не иначе.

На карнавале...

На карнавале Осени-царицы,
На полотне зелёных тополей,
Как взмах крыла чарующей жар-птицы,
Был юный клён среди её пажей.

В ливреях золотых, пурпурных, медных
Они, красуясь, разбрелись вокруг...
Лишь кое-кто ещё в нарядах летних
Стать с ними не стремился
в общий круг.

Но Осень улыбалась хитровато,
Ведь скоро и для них настанет срок.
А дождика негромкое стаккато*
Напоминало музыки урок.

*Стаккато — отрывистое исполнение музыкального звука.

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне, окончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия), филолог-классик. Автор ряда журнальных публикаций («Юность», «Слово/Word», «Австралийская мозаика», и др.) и двух сборников стихов. Сейчас живёт в Австралии.

Херсонская зарисовка

Осенний день. Репринт. Перепечатка
Прошедших лет. Жёлт плагиатор-клён.
Хоть солнечно, но ты уже в перчатках.
А под асфальтом прячется брусчатка,
Как беженка из сказочных времён.

***

Я не хочу тебя терять.
И находить.
Нас — поминутно — умирять
И резать нить.

Но мы сидим — и мир затих —
Глаза в глаза.
Ну, что, кто против — из двоих?
Мы оба — за.

За ярость, за угар, за круг —
Порочный — встреч.
За жажду губ — коснуться рук,
Лица и плеч.

За дар — на лезвии побыть,
У острия.
За то, чтоб слиться — и забыть,
Где ты, где я.

За дрожь, как в ломке наркоман —
От пустоты.
Мы — за обман. Самообман.
За бред мечты.

И за похмелье из — позволь! —
Вины, стыда.
За сожаления. За боль.
За миг, когда

Тебя — как бабочку на гвоздь —
Пронзит насквозь,
Что наши жизни были врозь.
И будут врозь.

Итак, опять: глаза в глаза.
(Вводи иглу!)
Мы оба за... Мы оба за...
Начнём игру.

Многие лета, ТОН «Ключ»!

Последнее время я стал замечать, что некоторые мои американские сограждане, особенно молодые, иногда не здороваются, встречаясь в лифте. Раньше всё было, как в большой деревне, утром все друг друга приветствовали, вечером желали спокойной ночи. Даже наши, русские, выдвигали из себя «Good morning», заходя в лифт. А выходя, даже пенсионеры произносили совсем непривычную для русского уха фразу «Хорошего вам дня». Наверное, прямой перевод английского «Have a good day» казался им более подходящим, чем простые русские прощания «Счастливого» или «Всего хорошего». Теперь всё чаще молодёжь переступает порог лифта, уткнувшись в электронные средства коммуникации, даже не поднимая головы. Что-то самозабвенно набирают двумя руками на маленьких клавишах, улыбаются каким-то своим мыслям и предчувствиям. Даже те соседи, которые меня знают, не всегда узнают. Да и как узнать? При взгляде вниз, на пол, боковым зрением видны только туфли. А туфли у меня обычные — ничего особенного.

Нет, я не против современных приборчиков, заполонивших мир. Благодаря сетям, есть возможность живого и частого общения с близкими людьми, живущими в разных городах и странах.

Но если избрателям и организаторам виртуального общения мы ежедневно говорим «спасибо», какова же должна быть наша благодарность тем, кто организовал настоящее живое общение, создал общность творческих людей, не дал затеряться талантам. Методично и упорно эти люди создавали вокруг себя атмосферу творчества, интеллигентности, духовности. Я говорю об отцах-основателях херсонского Творческого объединения независимых «Ключ», Юре Топунове, Олесе Ивченко и Николае Кошелюке. Наверное, прежде всего, они это задумывали для себя, чтобы иметь возможность проявить себя и пообщаться с единомышленниками. Но в орбиту творчества и духовности втягивались друзья, подраставшие дети, дети друзей и друзья детей, просто неравнодушные люди, испытывавшие тягу к самовыражению. Они тоже пробовали себя в разных ипостасях. Кто-то становился активным членом сообщества, кто-то оставался слушателем и зрителем. Но все, так или иначе прикасались к творчеству и участвовали в нём.

Основатели ТОН «Ключа» в нашем тихом и сладком провинциальном Херсоне не позволили себе и своему окружению прожить свои жизни в забвении, в замкнутом пространстве, в духовной провинции. Они не просто раскрыли, но и взрастили таланты, воспитали их. Показали и убедили, что многое возможно, что не всё бесполезно, что не все равнодушны и что многие талантливы. Тем самым они помогли многим явить себя этому миру. А значит, понять себя, обрести цель, смысл жизни и даже — не побоюсь этого слова — счастье. Ведь по одной из версий советских времён «счастье — это когда тебя понимают», когда тебя окружают неравнодушные люди, которые тебя слышат и которым ты интересен.

ТОН «Ключ» научил не бояться и пробовать. Человеку, особенно человеку творческому, человеку разумному, трепетному, сомневающемуся, очень важно, чтобы кто-то доброжелательный и опытный, сказал: «Не бойся, попробуй, мы верим в тебя, у тебя получится». Я знаю, как страшно сделать первый шаг, явить себя миру. Помню свой первый выход с сольной песней на «большую сцену» — в актовом зале школы, в 8-м классе. Сколько до этого было репетиций! А тут, один на один с «враждебной» публикой, сухой язык вдруг прилип к сухому нёбу — и рот невозможно открыть. Наверное, нечто подобное испытывает парашютист перед первым прыжком. Те, кто основывал и организовывал ТОН «Ключ», многих поддержали в их первом прыжке. И каждый раз прыгали с ними, тоже в первый раз. И продолжают с ними вместе лететь. Всегда готовые поддержать, подставить крыло и заправить горячим. Счастливого продолжения полёта, ТОН «Ключ»!

Михаил ПЕРЕЛЬМУТЕР, г. Нью-Йорк, США
Сайт ТОН «Ключ»: <http://artkavun.kherson.ua/ton-klyuch.htm>

Лидия Ивченко

Родилась в Херсоне, училась в Харькове, живет в Киеве, по специальности — программист. Поэт, переводчик, автор поэтического сборника «Закатное окно».

***

Изысканна, как серебро на чёрном,
Прекрасна, как загадка серых глаз —
Она уже была здесь столько раз!
Но нынче — наконец-то — непритворно.

Она приходит тихо, как надежды,
Движения её легки, как сон.
Вокруг неё струится нежный звон,
И светятся в ночи её одежды.

И аромат её неповторимый —
Неуловимый, как она сама.
И я твержу: зима, зима, зима —
Она пришла!...Но нет — проходит мимо.

***

Этот город не знал настоящих страстей,
Пока мы не явились ему,
Как железо крови или кальций костей,
Мы несли в себе горечь и тьму.

Этот город не знал настоящих врагов,
Пока мы ещё тшились терпеть.
Мы внесли в него чёткость
и легкость шагов,
Голосов наших, звонких, как медь.

Он ни страха не знал,
ни проклятий, ни бед,
Пока нас своим злом не задел.
Мы прошли сквозь него.
Мы выходим на свет,
За невидный, печальный предел.

***

С.Н.

Зима. Закат оранжевый, как важный
Соседский кот, утаптыкает снег.
Вот оттепель, и снег — немного влажный,
И белый цвет уже совсем поблек.

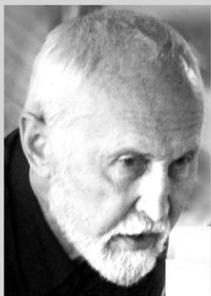
Таких, как мы — талантливых, неверных,
Весёлых, нежных — где ещё найдёшь?
Что до стихов — недавних,
как и первых —
Порой и чушь. Но никогда не ложь.

А ты стоишь в разледеленой луже,
И ты — такой большой печальный зверь.
Всё ерунда, пройдёт. Бывает хуже.
И лучше тоже может быть, поверь.

Но мерит нас зима своим аршином,
И мирит нас с несбыточностью снов,
И кот, мурлыча, бродит по вершинам,
И снег не бел. И этот мир не нов.

И это хорошо. И завтра снова,
Наверно, будет снег. А может, нет.
Не лстысь находкой слога или слова,
Которого ещё не слышал свет —

Он слышал всё. Зима, коты, закаты
И девушка в маршрутке, и не счастье
Такого в памяти: и где-то, и когда-то.
Они, возможно, голос твой и есть.

Юрий Топунов

Родился в 1948г., живёт в Херсоне. Поэт, прозаик, бард, художник, один из основателей «ТОН Ключа» и его бессменный куратор. Режиссёр большинства постановок объединения, автор сборников прозы, поэзии, поэтических переводов с немецкого. Главный редактор книг, изданных ТОН «Ключом».

Белогвардеец

Его высокий лоб, тонкий нос с горбинкой, голубые глаза и светлые волнистые волосы, зачесанные назад, невозможно было не заметить. А длинные тонкие пальцы, держащие на отлёте руки сигарету, выдавали музыканта, которым он, впрочем, так и не стал. Весь его облик говорил о породе. Впрочем, так оно и было на самом деле: внешность и стиль он унаследовал от матери, происходившей из дворянского сословия и несшей на себе печать многовековой социально-генетической селекции. А вот всё остальное было передано ему по наследству отцом, крупным партийным бонзой областного масштаба, — высокомерие, склонность к алкоголю и пристрастие к женщинам легкого поведения, несмотря на то, что его внимание пыталось привлечь множество красивых девушек, порхавших вокруг, как мотыльки возле горящей лампы. Особенно он был

красив, когда усаживался за рояль, стоящий в зале их большой квартиры, и тихим баритоном начинал петь белогвардейские романсы, которые знал в великом множестве, и мы, его друзья, с замиранием сердца слушали эти необычайно проникновенные и, вместе с тем, очень по тому времени опасные песни. Никто даже не пытался подпевать, хотя многие слова мы знали наизусть: эти песни могли звучать только соло. А самого исполнителя мы за глаза называли Белогвардейцем.

Как-то вечером, после работы (а к тому времени мы все уже закончили учёбу и работали — кто инженером, кто архитектором, а кто учителем), сидели мы в тесной компании близких друзей, попивая вино, и слушали новый романс, который Белогвардеец недавно разучил и пел особенно проникновенно. Как поразительно звучали слова:

Когда нам всем была тесна
Одна большая и любимая страна,
В лихие времена,
В тугие стремена
Бросала нас Гражданская война.

Наташа, Наташа —
тобой одной душа моя полна,
Белая акация, красная раёна,
Об этом не забудешь никогда.

Это было для нас нечто новое: как бы прорвавшиеся сквозь годы слова иной правды, иного взгляда на те события — отличные от вбиваемых в наши головы с детства. Вот замер последний аккорд, и в комнате повисла грустная тишина. Неожиданно Белогвардеец заговорил:

— Ну и денёк, однако, сегодня выдался... — он потёр ладонью высокий лоб. — Не знаю, сколько я ещё выдержу общение с этим контингентом...

Мы знали, что работает он учителем истории в одной из школ, расположенной на Военном — старом городском районе, где когда-то селились со своими семьями солдаты из крепостного гарнизона, уходившие в отставку. А

в наше время там жили их потомки, народец бедовый, склонный к уголовщине. Ученики на вопрос, кем они будут после окончания школы, как правило, отвечали, что, прежде всего, сделают «ходку» в зону, а потом уже будут выбирать профессию, желательно «хлебную». И было не удивительно: парня, не имевшего судимости, там ни в грош не ставили.

— И что же сегодня у вас там произошло? — мы устали на него с интересом.

— Я уже и не знаю, плакать мне или смеяться, — Белогвардеец снова потёр лоб и начал рассказывать. — Урок проходил, как обычно, шумно и «весело» — кто-то кому-то что-то подложил на сиденье, за что тот съездил ему по роже, кто-то шумно приставал к девочкам, и они похотливо взвизгивали, а на последней парте резались в «очко», по-моему, на деньги. Я же в этом бедламе пытался дать новый материал, а потом вызвал к доске не самого отъявленного босяка и предложил ему рассказать, как труд превратил обезьяну в человека. Ученик вышел к доске, почесал затылок, что, как всегда, вызвало в классе лёгкий смехок, и начал что-то косноязычно мямлить. «Ну что ты тянешь кота за хвост, — говорю ему, — рассказывай своими словами!» Пацан обрадованно посмотрел на меня и спрашивает, так недоверчиво: «Можно своими словами?!» Я кивнул в ответ и он затараторил, как из пулемёта: «Значит так, хиляет питекантроп по лесу. Навстречу ему зверюга бежит. Питекантроп по сторонам зырь-зырь, — видит: дубьё валяется. Он за дубьё хватит и зверюгу промеш глаз хлобьсь! Зверюга с копья! Вот так питекантроп стал человеком!» Самое интересное, что весь класс затих и внимательно слушал — это был с младенчества понятный им язык! Пришлось поставить «пятя»

Наш утончённый друг покачал головой. — Боже, Боже, не знаю, сколько я ещё выдержу...

Мы улыбались и сочувственно молчали. А что мы могли ему сказать?! Разве что: «Не гони мульку, всё будет путём!»

Вячеслав Савельев

Родился в 1967 году в Ленинградской области. После окончания Гидрометинститута переехал в Херсон. Поэт, художник, фотограф, член Национального Союза фотохудожников Украины.

Аскания-Нова

Когда-то здесь, в степях таврийских,
В начале всех земных начал
Мой предок на просторах скифских
Мустангов диких укрощал.

И мчались кони, вея гривы
Трав без начала и конца,
Храня забытые мотивы
На вязи кованной венца.
Менялись боги и молитвы,
Был Сын Всевышнего распят,
Курганы скифские разрыты,
Лишь травы прошлое хранят

И выют былинки косы-были,
Как пишет стих в росе медянка,
Так нить воздушную ковьи
Вплетает в волосы славянка.

Теперь стада из стран чудесных
Тревожат разнотравья косы
На плоской чаше равновесной
Среди спиральных сенокосов.

И плещет время, винно-пьяно,
Готовя душу в путь неблизкий,
А телу поздно или рано
Придётся лечь в степях таврийских.

Оксана Розмировская

Живёт в Херсоне, по профессии – библиотечкарь, участница международных конференций, обладатель премии для молодых специалистов им. Боба МакКи. Автор ряда публицистических работ по библиотечному делу.

Libertango

Дыханье в такт.
Танцуем Libertango.
Огонь и ритм –
Сердца сопряжены.
Адреналин дрожит,
Повис над Гангом,
В нем дух и страсть
Двоих отражены.

Выводим дерзко
На краю фигуры.
Бежит река,
Усиливая ток.
Аккорд застыл
В силках клавиатуры,

Рука в руке –
Энергии поток.

Зигзаг вдвоём,
Щека к щеке
Случайно.
Рисую рондо
Туфелькой
К тебе.
И снова ргутью
Ноты льются
Плавно.
Взгляд,
Пауза,
Надрыв –
В борьбе.

Играй для нас,
Пьяцолла,
В ритме боя!
Нам не угаснуть
В танго,
Не сгореть!
На острие любви
Танцуем
Только двое.
А в жизни этой
Я твоя –
На треть...

Мария Рубе

Мария Рубе родилась и живёт в г. Санкт-Петербурге. 16 лет её жизни прошли в Херсоне, где она стала одним из участников объединения «Ключ». Поэт, прозаик, фотохудожник.

Архангел

Сердечко ревность гложет,
Лицо – бледнее, строже,
А взгляд – упрямо в пол.

Попытки обвинения.
Доверие. Сомнение –
Не обманул ли он?

Упорно оправдания
Просила – и признания
Надуманной вины...

Глянь на него, Мария!
Архангельские крылья!
Увидь из-за спины!

Единочество

Не единственно нужная –
Пред тобой безоружная,
Этой болью бескрылая:
Не единственно милая...

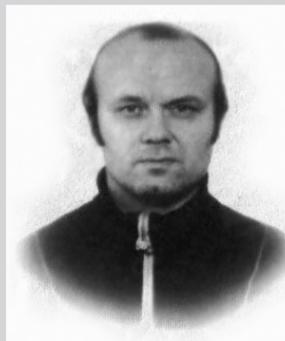
Ну, скажи, что любимая!

Благая Весть

Смята
Мята –
Мчит гонец.
Свято
Злато
Тех колец –
Стук сердец
Обручивших!

Тише-тише...
Мой рубец
Зарастает...
Как снег – тает...

Басни

Федор Паньшин

Родился в 1955 г. в Петрозаводске. Учился в школе, профтехучилище. Служил в армии. Работал в органах МВД, шофером, электриком, токарем, связистом, сборщиком-монтажником, директором малого предприятия по нетрадиционным методам оздоровления. Публиковался в ежемесячнике «Молодой гений», в газете «Новости Костомукши».

Медведь и выборы

Пока медведь тихонько жил в берлоге,
Народ лесной о нем почти забыл.
Лиса же с волком, на келейном сходе,
В него вселили президентский пыл.
«Ты, Мишенька, - плутовка поучала, -
До выборов про мясо позабудь.
С лихвою после нагуляешь сало.
Пока ж себя на постное понудь.
Веди себя без глупостей, примерно,
В огонь раздоров масло подливай,
Ври осторожно, мягко, достоверно
И лапам своим волю не давай».
Медведь освоил пламенные речи
И строгий, и смиренно-кроткий взгляд,
Как птицелов, в расставленные сети,
Наивный свой поймал электорат.
Снискав зверей доверие и веру,
Избранник тут же речи поменял.
Забыл про совесть, стыд забыл и меру,
Легко, как маску, добрый образ снял.
Когда бы в мире правила любовь!
Увы, народ в вожжах нужду имеет.
И каждый раз вожди народ «имеют»,
И каждый раз народу это вновь...

Крот

Известный Крот, зимой, в своей норе,
Набивши брюшко от припасов,
Любил подчас, разнежившись в тепле,
О жизни размышлять и о судьбе,
Об улучшении норы, ходов и лазов.
Он слышал многое от близких и друзей,
Но так как был слепой от роду,
Он ошупью и нюхом знал природу,
Не всё понять он мог из их речей.
Он не был склонен к сказкам, к чудесам,
Но толковал, что слышал, очень вольно,
Поэтому, случилось, что невольно,
Однажды усомнился, кто он сам.
- А, может, я - медведь? -
Крота раздумья взяли,
- И шерсть, как у него, и лапы,

когти есть.
Да что там когти - схожих мест не счесть!
Однако в силе, думаю,

он ровня мне едва ли.
И в земляных работах - не бог весть.
А в остальном, скажу ему, пусть в лезть,
Когда б мы рядом вместе встали,
Нас, верно, спутали бы, если б увидали!
Ах, сколько этаких кротов
Нас учат, пишут, рассуждают
О том, что сами мало знают,
Или не знают ничего!..
Тут плакать надо б -
Мне ж смешно!

Петух и Лис

Петух закон прочел и, став смелей,
Забрался к Лису в нору,
Желая прямо в ней прижать того укору
За нарушение лесных статей,

Не позволяющих душение курей
Без цели, не для пропитанья,
И прочие такие причитанья
Для назидания зарвавшихся зверей.
Опешил Лис: «Охота только в среду,
А этот хам приперся сам, к обеду.
Всю нору сходу истоптал,
И, как репей, к хвосту пристал...»
Лис мирен был - Петух же наседал:
С наскоку, безо всякой перемены,
Подвел к статье:

«Предательство, измена»,
Затем - «Грабёж». Опомниться не дал,
Кричал (пером по морде

тыча вурдалака):
«Ты - не лиса - ты хуже, чем собака!
Для леса первый изверг и злодей,
Друг мясника и прозелит его идей!».
Лис подскочил, шерсть дыбом встала,
Кровь злая в жилах застучала...
Петух, увы, того не замечал
И... слишком поздно замолчал...

Коль ты не облечен призываньем,
Душою черств и нравом хам,
Всё лишь испортишь назиданьем.
Захочешь блага - выйдет срам!

Пожар

Привычный жизни строй
медведю надоел,
И он решил ход изменить
своих привычных дел.

Ему обрыдло в поисках еды
По лесу мыкаться туды-сюды!
Он думать стал, искать такой приём,
Чтоб, не трудясь, все было бы при нём.
Пришел он к мысли, что чужой запас
Его бы от хлопот излишних спас.
В лесу в то время был большой пере-
полох:

Пожар такой - Медведь
и сам едва не сдох!

Но отдадим мы должное ему:
Заветный план он не забыл в дыму.
Короче, скажем, что под шум такой
Все снес к себе, что было под рукой.
Пожар и мор - лишь повод красть
для тех,
кто в воровстве таком не хочет
видеть грех!

СТИХИ

Без

Что о пространстве может знать слепой?
О силе звука и гармонии глухой?
О тегивы упругости безрукый?
Ума без - кто поймёт науки?

Кто чувств высоких без
Подарит нам чарующие звуки?
И кто расслышит эти звуки без
Страдающей души, без - сердца муки?!

Я жалею о том...

Я жалею о том, если холод,
Мне нельзя ваши руки согреть,
Что выдумывать нужно мне повод,
Чтобы снова на вас посмотреть.

Я жалею о том, что невольно,
Безрассудно преследовал вас -
Вы простите, что сделал вам больно,
Пожелав ваших губ, ваших глаз.

Я жалею о собственной доле,
Не стихающей в сердце борьбе.
Словно дикая птица в неволе,
Не хочу подчиниться судьбе.

Я жалею, но в сердце не каюсь,
И, как в омут, уйдя с головой,
Я в мечтах безнадежных спасаюсь,
В тех мечтах, где вы рядом со мной.

Марк Луцкий

Драма Вийона
(венок сонетов)

1

Магистр и вор, грабитель, остролов —
О Господи, как он парадоксален!
Пришедший, словно из иных миров,
Из снов, из сказок, но вполне реален.

Создатель изумительных стихов,
В своих балладах просто идеален —
Поэт дворов и куртизанских спален,
И предводитель городских воров.

«Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет,
Я всеми принят, изгнан отовсюду».*

По жизни не статист, не вялый зритель —
Игрок, поэт, преступник, небожитель.

* Ф. Вийон «Баллада поэтического состязания в Блуа» перевод И. Эренбурга

2.

Игрок, поэт, преступник, небожитель —
Таким вошел в историю Вийон.
Он пять веков на творческой орбите,
И до сих пор недосыгаем он.

Теперь он не нуждается в защите,
Не с ним в противоречии закон,
Его творенья — вечный эталон,
Завистники Поэта, не взыщите!

«Господь простит — мы знали много бед.
А ты запомни — слишком много судей.
Ты можешь жить — перед тобою свет,
Взглянул и помолился, а Бог рассудит».*

Его судьба — удел еретиков.
Разбойник, классик — вот набор каков!

* «Эпитафия, написанная Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы», перевод И. Эренбурга

3

Разбойник, классик — вот набор каков!
Его познание жизни бесконечно —
Знал королей, придворных и шутов,
И нежных дам, и судей бессердечных.

И всяких проходимцев, шулеров,
Что с картами сдружились навечно,
И, формою владея безупречно,
Всех описать своим пером готов.

«Я знаю, как на мёд садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, всё губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё, но только не себя».*

Баллад изящных строгий повелитель,
Певец низов и высших форм властитель.

* «Баллада примет», перевод И. Эренбурга

4

Певец низов и высших форм властитель,
Всего коснулось Франсуа перо —
Вот кокийяр,* вниманье обратите,
Вот сутенёр прищурился хитро...

Общественных порядков возмутитель,
Нам показал парижское нутро
Предельно беспощадно и остро
«Блатных баллад» талантливый родитель.

«Подломишь караса — в шалман с наvara,
А там — вино и хавка на столе.
Но утром лишь очнешься от угара,
Шнифты протрешь — а ты уже в петле!»**

Изрядно наломал по жизни дров,
О нём твердят: «Не перечать грехов!»

* Кокийяр — член уголовной шайки
** «Блатная баллада 1», перевод Д. Клугера

5

О нём твердят: «Не перечать грехов!»
И это верно — праведником не был,
Приятель проституток и плутов,
В его твореньях — вместе быть и небыть.

Здесь повстречаешь редкостный улов:
Монах, клошар и лавочник дебелий,
Бандит, святоша и налетчик смелый,
Комплект льстецов и умных дураков.

«Потомки наши, братия людская,
Не дай вам Бог нас чужаками счесть:
Господь скорее выпустит в кущи рая
Того, в ком жалость к нам,
беднягам, есть».*

Но нары не всегда его обитель —
Мелькал, бывало, в королевской свите!

* «Баллада повешенных», перевод А. Парина

6

Мелькал, бывало, в королевской свите,
И с принцами вершил весёлый бал,
Но признанный порядков нарушитель,
В поэзии ничто не нарушал.

Принадлежа к изысканной элите,
Особенные краски изыскал,
Заслуженно взошел на пьедестал
Вийон — эстет, балладник, победитель.

«Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая».*

В творениях огрехов не ищите,
Нет, вы его баллады оцените.

* «Баллада поэтического состязания в Блуа»,
перевод И. Эренбурга

7

Нет, вы его баллады оцените,
Сколь широка безбрежность разных тем:
Любовь и смерть, плебей
и злой правитель —

Баллады адресованы ко всем.

Найдёте в необычном алфавите
«Три фонаря», «Корову», буйный «Шлем»*
Епископа, прево, иной тандем —
Тут рыцарь и босьяк, там шлюха
и воитель.

«Люблю красотку я, служу ей страстно,
Но не дурак я, не простец смешной.
Она на всякий вкус, для всех прекрасна,
Обут и сыт из-за неё одной».**

Но приговор и грозен, и суров,
И вот — тюрьма, уже привычный кров!

* «Три фонаря», «Корова», «Шлем» — харчевни
Парижа

** «Баллада Вийона к толстой Марго», перевод
И. Эренбурга

8

И вот — тюрьма, уже привычный кров!
Вновь парадокс — поэт и уголовник,
Да, за решеткой автор дивных строф,
И удостоен ордена чиновник.

О, сколько ожидания часов
На нарах, превратившихся в клоповник,
Жестоко обличаемый виновник,
И мрачный юмор арестантских слов:

«Я Франсуа — чему не рад! —
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея»*

Видать, привык удар судьбы держать,
Таких талантов надо поискать.

* «Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он
был приговорен к смерти», перевод И. Эренбурга

9

Таких талантов надо поискать,
А сколько их у Франсуа Вийона!
На всем лежит иронии печать —
От лирики до грубого жаргона.

Ах, творчество — какая благодать!
Поэзии божественное лоно!
Когда на жизнь взираешь упоённо,
Спешит рука балладу написать.

«Где нимфа Эхо, чей напев весенний
Порой тревожил речки тихий брег,
Чья красота была всех совершенней?
Но где же он — где прошлогодний снег?»*

Тебя берут за душу строки эти,
Пожалуй, не найти на всей планете.

* «Баллада о дамах былых времен», перевод
И. Эренбурга

10

Пожалуй, не найти на всей планете
Таких контрастов, редкий симбиоз —
Разбойных сцен и грабежей свидетель,
Преступник, переживший столько гроз,

Познавший унижения и плети,
Любовь к своей стране
сквозь жизнь пронёс.
Её любил столь страстно и всерьёз,
Что повторяют люди строки эти.

«Пусть, как Иону, кит его сожрёт,
Пусть в камень превратит его Медуза,
Иль, как Нарцисс, пускай утонет тот,
Кто посягнет на родину французов!»*

Поэзии французской — процветать,
Остра, блистательна его тетрадь.

* «Баллада проклятий врагам Франции», перевод
Ф. Мендельсона

11

Остра, блистательна его тетрадь,
Средь персонажей — множество находок,
Любить, страдать, играть, переживать
Заставил бурбоннэский* самородок.

Вийону не по нраву тишь да гладь,
Его характер и строптив, и громок,
Впитав в себя средь почти с пеленок,
Сумел всё живописно описать.

«Камзол расшит шнурами золотыми,
Дырявый плащ, опорки, всё мы тащим

Туда, где честно доят нас, как вымя, —
В таверну, прямо к девочкам гулящим»**.

Он верен, как всегда, своей примете:
Эстет и хулиган — в одном пакете.

* Бурбоннэ — место рождения Ф. Вийона

** Поучительная баллада», перевод

Ю. Кожевникова

12

Эстет и хулиган — в одном пакете.
Судьба-злодейка? Неизбежный рок?
Не знаем, сколько прожил он на свете,
Какие испытанья перевозмог.

Свидетельства жестоких лихолетий
Хранят его баллады, каждый слог.
Но он преодолеть невзгоды смог,
Не клял судьбу за роковой билетик.

«Каких мужей сводила я в могилу,
Каких царей лишала я корон,
И замолчи, пока я не вспыхнула!
Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон?»*

И вот — венчает Франсуа Вийона
Творца и уголовного корона ...

* «Баллада Судьбы», перевод Ф. Мендельсона

13

Творца и уголовного корона.
Да, нелегко подобную носить.
Без жалобного ропота и стоны
Прядёт поэт исповеданий нить.

Работает упрямо, исступленно,
Умеет всё — и славить, и язвить.
И будет мир его боготворить,
Отступника негласного канона.

«Несчастные, лишённые рассудка,
Испорченные, злые существа,
Вам правду заменяет прибаутка,
Движенье чувств — пустая голова»*.

Стихи совсем иного лексикона,
А память чтит озорника Вийона!

* «Баллада доброго совета», перевод А. Застырица

14

А память чтит озорника Вийона,
Хотя портретов и скульптур — мизер.
Внимает мир стихи заворожённо,
И автор их — бессмертия пример.

Маэстро ритма, рифм, оксюморона,
Баллад чудесных признанный премьер,
И новых жанров, стилей пионер,
Прославивший себя во время оно.

«Владычица над небом и землею
И над огнем великим, что в аду,
Я, может быть, и милости не стою,
Но смилуйся; прими, когда приду»*.

Освобожден от всяческих оков —
Магистр и вор, грабитель, остролов.

* «Молитва, написанная по просьбе матери»,
перевод В. Жаботинского

Магистрал
(акrostих)

Магистр и вор, грабитель, остролов,
Игрок, поэт, преступник, небожитель,
Разбойник, классик — вот набор каков!
Певец низов и высших форм властитель.

О нём твердят: «Не перечать грехов!»
«Мелькал, бывало, в королевской свите!»
«Нет, вы его баллады оцените!»
И вот — тюрьма, уже привычный кров!

«Таких талантов надо поискать»,
«Пожалуй, не найти на всей планете»,
«Остра, блистательна его тетрадь»,
«Эстет и хулиган — в одном пакете».

Творца и уголовного корона,
А память чтит озорника Вийона!

АНАЛОГОВ НЕТ!

«СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ» – это ортодоксальный, интересный, оригинальный литературно-художественный альманах, преимущественно русской современной и классической остросюжетной фантастики. Издание ориентировано на публикацию произведений молодых современных авторов и классиков русской литературы. Альманах посвящен произведениям в dark-жанрах: хоррор, мистика, боевая фантастика, фэнтези, готика, киберпанк, постапокалипсис, «темный» фольклор и т.п.

Идея создания альманаха принадлежит краснодарскому писателю-фантасту, журналисту Алексею Анатольевичу Передерееву, являющемуся главным редактором и издателем журнала.

В октябре 2010 года была собрана редакция из трех энтузиастов. Сейчас в ней работают опытные журналисты и литераторы: Алексей Передереев, Анна Мамаенко, Марина Мартынова, Аскольд Пивень, Виктор Чабан, Ксения Семухина, Сергей Антонов.

Сформирована новая редколлегия: Василий Вялый, Денис Шульгатый, Иван Карасев – это представители России, Семен Ющук – Белоруссия, Ежи Мрачек – Чехия, Кристина Петкова – Болгария, Дина Францман – Израиль.

В январе 2011 года вышел в свет первый номер литературного альманаха остросюжетных жанров «Сумрачный гений» тиражом в 100 экземпляров. Периодичность выхода издания стала осуществляться раз в квартал. Такой срок был выбран нами для удобства реализации нового издания. Формат альманаха А5 (пополам лист А4), объем 86 страниц, полноцветная обложка.

В дальнейшем «Сумрачный гений» стал себя позиционировать как альманах остросюжетной фантастики. Что привлекло множество авторов работающих в самых различных жанрах фантастики, как на территории России, так и за ее пределами.

Основную читательскую аудиторию альманаха составляют авторы, фанаты и любители «темной» фантастики и фэнтези.

Особенностью данного проекта является то, что это единственный литературный альманах, осуществляющий поддержку начинающих, перспективных молодых авторов, работающих в различных направлениях фантастики. На данный момент подобных проектов в России практически нет. Но мы публикуем и опытных, известных авторов, поскольку молодым нужно учиться на конкретных примерах.

Финансирование выхода «Сумрачного гения» осуществляется исключительно с реализации и на пожертвования любителей «темной» литературы и фантастики. У нас нет пока спонсоров и меценатов. В связи с отсутствием стабильной финансовой поддержки, редакция альманаха пока не имеет возможности выпускать тираж свыше 500 экземпляров. Читателям предлагается заказывать через редакцию выходящий номер заблаговременно. Такая система, дает возможность выпускать именно востребованное количество журналов. При этом мы минуем все возможные заморочки с розничной торговлей. Распространение через редакцию для нас более удобный вариант и не только на территории России, но и за ее пределами. В 2011 году, мы рассылали альманах в Украину, Белоруссию, Казахстан, Израиль, Болгарию. Уверены, что в новом 2012 году, наш альманах будет еще шире расхотиться по миру.

Не так давно вышел третий номер «Сумрачного гения», часть номера мы посвятили памяти талантливого прозаика и поэта Кубани Максима Максименко, трагически погибшего десять лет назад.

В номере продолжаем знакомить наших читателей с русскими классиками. В разделе «Отцы жанра» опубликована выборка из сборника «Опавшие листья» Василия Розанова. В рубрике «Сотворители страха» вышли рассказы: Екатерины Каретниковой, Натальи Голубенко, Даратеи Цой, Александра Панченко, Василия Вялого. Это наши прозаики, но в номер включена и поэтическая рубрика «Пииты сумрака», в которой опубликованы стихи Ольги Красильниковой и Анны Мамаенко.

Это еще не все наши старания. Несмотря на финансовые трудности, редакция «Сумрачного гения» провела литературный конкурс «темных» жанров «Черный кот – 2011». В конкурсе приняли участие более ста авторов из разных уголков России и других стран. Победители и призеры конкурса будут опубликованы в четвертом номере «Сумрачный гений» и награждены специальными дипломами. Дополнительную информацию по результатам конкурса «Черный кот – 2011» можно узнать, посетив наш сайт: www.sumrakgen.ru.

Помогая развивать нашу авторам под эгидой «Сумрачного гения», мы открыли и начали выпуск коллекционной серии авторских мини-изданий «Библиотечка Сумрака», где печатаются хорошо зарекомендовавшие себя авторы.

Это карманные сборники, с мягкой полноцветной обложкой и коллекционным тиражом. Мы уже готовы предложить четыре выпуска этой интересной и неординарной серии.

Выпуск 1. Андрей Каминский, «Остров Понтарха» (фэнтези);

Выпуск 2. Алексей Передереев, «Ночной гость»

(ужасы и мистика);

Выпуск 3. Михаил Семеусов, «Рукописи не съедят» (зомби);

Выпуск 4. Петр Перминов, «Страж горы» (триллер).

Готовятся к выходу:

Выпуск 5. Виталий Вавикин, «Желание верить» (НФ).

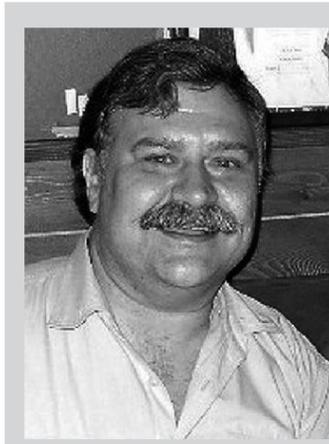
Выпуск 6. Иван Карасев, «Черная жемчужина» (темный фольк).

Мы рады информационно-творческому сотрудничеству с другими литературными изданиями, электронными, Интернетными и бумажными. Так же мы имеем опыт по разработке рекламы.

Мы можем размещать рекламу на нашем сайте, в альманахе «Сумрачный гений» и других собственных изданиях.

Мы предлагаем рекламное сотрудничество издательствам, магазинам книг, видео и компьютерных игр, общественным литературным объединениям, клубам любителей фантастики (КЛФ) и кафе. Мы готовы публиковать в новом году обзоры, рецензии, статьи.

Дополнительную информацию по альманаху «Сумрачный гений» и сопутствующих проектах можно узнать, посетив наш сайт: www.sumrakgen.ru.

Алексей Передереев

Россия. Идеолог и главный редактор альманаха «Сумрачный гений». Профессиональный журналист, компьютерщик, писатель-фантаст. Один из тех, кто организовывал первый и единственный на Кубани клуб фантастов «НФ-зона 2000». Покровитель молодых прозаиков, помогает издаваться начинающим фантастам. Основатель авторской серии «Библиотечка Сумрака» и серии: «Русский хоррор».

Алексей имеет множество публикаций, как в российской, так и зарубежной прессе. Передереев недавно отметил двадцати пятилетие творческой деятельности. Выпустил восьмой юбилейный сборник фантастических повестей и рассказов. Так же им выпущено четыре публицистических книжки о фантастике.

Передереев был первым редактором билингво журнала «АСА». Особенность данного литературного журнала - это выход на двух языках: Русском и испанском Арахау. Алексей имеет собственный творческий сайт: www.aleksperedereeff.narod.ru. Он член Союза журналистов России с 1995 года. Живет и творит в любимом городе Краснодаре.

ПИСЬМО

Целый день прошел в заботах, а вечер был полон праздного веселья. И только к ночи Александр, уединившись в кабинете, вспомнил о письме, которое еще с утра слуга положил на письменный стол.

Он взял довольно странное письмо в форме треугольника, не спеша, подошел к тяжелым гардинами. Выглянул в окно, за которым уже опустилась ночь. Огромные часы, стоящие в углу, наполнили небольшой кабинет звонким размеренным боем. Стрелки на циферблате показывали полночь. Еще раз покрутив в руке странное письмо, он решительно сел за большой, обтянутый бордовым сукном письменный стол. На стенах горело несколько восковых свечей, однако в кабинете царил таинственный полумрак. Аккуратно развернув загадочное послание, Александр увидел листок, испещренный жирными строчками; по всему было видно, что писали карандашом. Почерк был уверенный, но вместе с тем торопливый. Чтобы лучше рассмотреть послание, Александр зажег свечу в серебряном тяжелом канделябре, стоящем на столе и, не медля, погрузился в чтение.

«Дорогой брат!

Понимаю, что подобное обращение для тебя будет странным. Однако, ввиду определенных причин, оставляю за собой право называть тебя таковым. Постараюсь, насколько возможно, далее объяснить столь панибратское обращение. Не пытайся вспомнить кого-нибудь из своей родни, сразу скажу: меня среди них не найдешь. И все же, я остаюсь самым родным для тебя человеком. Бесконечное число раз я смотрел на твой портрет, сделанный еще когда ты учился в лицее. Я посмел вырезать его из одной библиотечной книги и все больше убеждался в том, насколько мы похожи.

Не могу не справиться о здоровье твоей маменьки, неожиданно захворавшей еще в прошлом месяце. Как она чувствует себя ныне?

Догадываюсь о твоём немом вопросе. Я... да что там говорить, «на войне, как на войне». Забыл, как это будет по-французски. Хотя сам не понимаю, откуда я могу знать это изречение.

Война идет уже два года; враг матерый, лютый. Но мы ему спуска не дадим, ранее побивали и в этот раз побьем, будь уверен. Я после госпиталя сразу на фронт просился, про слабость всякую, да видения странные, никому словом не обмолвился. Вот уже третий месяц на передовой. Днем по несколько раз в атаку ходим, ночью в окопах отсиживаемся, а врага никак не можем сквырнуть с высоты. Хорошо укрепился супостат.

Вот сейчас сижу в землянке, пишу тебе письмо, а снаружи вечерний обстрел наших позиций идет; и такая, скажу тебе, канонада, аж уши закладывает. Но мы терпеливые; завтра, думаю, в наступление пойдем. Ух, и покажем мы им, а то негоже все время отступать, до самой Москвы уже докатились. Во какие дела.

Здоровье мое не очень - нынче хвороба у меня приключилась, замучила окаянная, спасу нет. Ну ничего, сестричка порошков надавала, так что справлюсь. Мамаше вот весточку отослал, хоть на сердце улеглось. Как она там одна, здорова ли? Она у меня чудной души человек. Бывало, зайдет тихонько, присядет на табурет рядышком и любуется, как я книжки читаю.

«И чего, - говорит, - ты, Саня, книжки такие заумные читаешь. Нешто в них прок есть? А я ей, - конечно, есть. Вот про историю России читаю, познать хочу, как люди ранее жили. А она, - правильно, сынок, читай, а там, глядишь,

в институт поступишь, будешь учиться, станешь уче-ным...»

Я тебе скажу честно, насчет учебы не против был, жажда прямо неутолимая. А как война началась, так как будто все разом из меня выкорчевали. Какая учеба, когда враг топчет родную землю. И хоть далеко в тылу наше село, а тревожусь я за маму. Ей по хозяйству и помочь некому. Один я у нее, если убьют, жалко, как она без меня будет.

Ну, как бы там ни было, а речь сейчас о тебе, точнее о нас идет. Я, Сашок, только на твое образование и понимание надеюсь. Чего это я к тебе прицепился, спросишь? Голову только морочу. Ан нет, господин хороший, не морочу, а говорить буду странное, но разумное. Все в жизни подчиняется круговороту, и это понятно, без сомнения. Закон мироздания таков, что ничто не может бесследно исчезнуть.

Однако поспешу сообщить тебе о причине моего письма. И прошу тебя уж дочитать его до конца. Я знаю то, о чем ты можешь только догадываться, а посему прошу тебя, не пренебреги советом. Будь поосмотрительнее, благоразумнее. Знай, что далеко не все в жизни можно поправить, переписать, как неудачное стихотворение. Иной раз совершенно пустое может впоследствии привести к трагедии. Наш мир на манер пианино - то белые, то черные клавиши - это и есть потери и приобретения. Не знаю, понимаешь ли ты меня сейчас, вглядываясь в эти строки. Однако надеюсь, что разберешься со временем - главное, помни, рок находится вокруг тебя. Судьба сделает новый ход и увеличит ставки. И на кон будут уже выставляться не алтынные и не золотые червонцы, а человеческие жизни.

Откуда у меня это предчувствие, сказать не могу. Но догадываюсь, что провиденье пришло, когда я после ранения в госпитале лежал. Думаю, что послано оно свыше, не от лукавого же, поскольку денно и нощно молился я Господу нашему за здоровье свое. Так как негоже мне с пустяковым ранением по госпиталям валяться, когда другие кровь проливают за нашу Родину.

Ты, Сергеевич, смотри, остерегайся всякого худого, неравен час, беда может приключиться. Я тебя Христом богом прошу...»

Дальше разобрать было трудно, поскольку строки размазались в бледно-фиолетовое пятно.

- Однако, - произнес он многозначительно, перебирая в уме, кто из знакомых мог с ним сыграть подобную шутку. Не увязывалось только то, что довольно странные слова были в письме. Таинственный незнакомец утверждал о странном родстве, предупреждал его об опасности, но какой? Сейчас Александру с этим разбираться было недосуг, устал он от житейской кутерьмы. Решительно встав с кресла, он открыл ящик стола и бросил туда письмо. Более чем странно было ему ощущать, что этот клочок бумаги вызвал в душе неподдельное тревожное беспокойство.

- Мистика, да и только, - бросил он фразу и вышел в гостиную, где продолжали веселиться гости.

А через месяц... раздался выстрел - и он, сраженный пулей, упал. И в этот момент ему послышались крики «Ура!», заглушающие канонаду орудий. Снаряды врезались в землю, разлетаясь взрывами все в ключья. Очередной взрыв, и упал окровавленный солдат из первых рядов. Он так и замер на сырой земле, взглядом упершись в хмурое небо. Кровь солдатская растекалась по гимнастерке, окрашивая в багрянец карман, где лежал когда-то вырезанный из библиотечной книжки портрет великого русского ПОЭТА...

Краснодар

ОДНАЖДЫ ГДЕ-ТО ТАМ

На горе стоял замок. Обычный замок, сложенный из белого камня. На вершине небольшой горы, посередине леса. С башнями, коническими крышами, флагами, узкими окнами, бойницами, зубчатыми стенами и всем прочим, что полагается иметь обычному замку.

А вокруг горы был лес. С высокими деревьями, дикими зверями, густыми чащами, ручейками и речушками. Лес как лес. Зеленый, бескрайний.

Если смотреть с кольцевого балкона самой высокой башни, то вокруг был виден только лес. Темно-зеленое колышущее ветром покрывало под синим небом сверху было очень похоже на океан, если бы не дорога. Откуда-то из-за горизонта. Яркой желтой неровной лентой она шла через лес, круто поднималась в гору и упиралась в тяжелые внешние ворота замка.

Днем ворота обычно были открыты. И на дороге, и в замке происходило движение: ехали обозы, скакали всадники, к замку и от него шли люди. Стража сверкала доспехом, наконечниками копий и усиленно бдела. Вечером, на закате, сверкание меркло, с наступлением сумерек наружная стража заходила в замок, ворота закрывались, жизнь замирала. А сейчас была ночь.

Весь замок был погружен в сон и темноту. Только в одной из боковых башен, очень высоко, светилось окно. Одно светлое окно во всем замке.

В большой круглой комнате ярко горел камин. Пламя освещало голые каменные стены, низкое широкое ложе, покрытое шкурами. На ложе, опираясь локтем на подушку, полулежала на боку женщина. Еще несколько подушек было разбросано вокруг нее. Ложе стояло очень близко к камину, и горячий воздух слегка колыхал то прозрачно, то воздушно, что было на ней. Со стороны казалось, что ослепительно красивая обнаженная женщина лежит в облачке. Рядом с ложем стоял небольшой столик, на нем массивный графин, фрукты в вазе, тяжелый канделябр с зажженными свечами и красивый большой бокал. Бокал был пуст.

Второй точно такой же бокал, только с чем-то гранатово-красным и, видимо, терпким, женщина держала в руке. Она смотрела на огонь, изредка делая маленький глоток, чему-то хмурилась, чему-то улыбалась и совершенно не обращала внимания на рыцаря, сидящего в глубоком кресле между окном и широкой резной дверью, ведущей на балкон. Рыцарь сидел, завернувшись в походный плащ, из-под которого были видны только высокие пыльные сапоги. В одной руке он держал тяжелый грубой работы кубок, другая покоилась на гарде большого меча, прислоненного к подлокотнику. На полу у кресла лежал стальной шлем с оторванным забралом и огромной вмятиной.

Рыцарь иногда отпивал из кубка, не отрывая глаз от женщины. Было тихо. Тишину нарушал только треск поленьев в камине да шелест крыльев ночных птиц. Но где-то там, за окном угадывалось движение чего-то очень большого.

Вот опять некое шевеление воздуха из открытого окна едва заметно качнуло пламя свечей в камине. Женщина чуть вздохнула, перевернулась на живот, поставила бокал между подушек и, не выпуская его из руки, задремала.

Рыцарь беззвучно поднялся, тихо поставил кубок на столик и, роняя из-под плаща тяжелые капли крови, вышел на балкон. Было немного прохладно. Яркая луна на звездном небе, хорошо освещая верхушки башен и стен, делала темноту внизу совершенно непроглядной.

И вот из этой темноты стало что-то подниматься, появляться и оказалось чешуйчатой мордой огромного дракона. Несколько чешуек на морде были разрублены, свежая рубленая рана пересекала нос. Глаза были желтые с узкими змеиными зрачками. Поравнявшись с балконом, морда остановилась и посмотрела на рыцаря. Рыцарь ответил ей спокойным взглядом. Они помолчали.

– Покажи, во славу кого ты меня сюда притащил, – неожиданно очень негромко проговорил дракон.

– Тихо ты, разбудишь, – сказал рыцарь.

– Не разбужу, – отвечал дракон, – она хорошо заснула. Я слышу ее дыхание, чувствую запах... И потом, вы с ней пьете столетней выдержки вино из самой дальней бочки в винном погребе. Так где она?

Рыцарь полуоборотился и широким жестом показал в открытую балконную дверь. Дракон слегка пригнул голову и попытался заглянуть в комнату, потом, чуть повернувшись, приблизил один глаз к окну. Глаз был чуть больше окна. Они опять помолчали.

– Да, – изрек дракон, опять поворачиваясь к балкону, – красивая. Наверное, она того стоила.

– А ты откуда знаешь про бочку? – спросил рыцарь.

– От тех двоих, что охраняли винный погреб.

– Я же просил тебя людей не трогать...

– Я их не трогал. Просто я почувствовал чудный аромат, просунул голову между башен прямо к воротам погреба. И пахло великолепно – что от ворот, что от тех двоих, которые эти ворота охраняли...

– И что с ними?

– Ничего. Один из них, прежде чем куда-то деться, оставил такой запах, что к погребу теперь подойти невозможно. А второй икнул, сказал: «О! Вот и зеленый змий, сейчас, сейчас!» Пошел в погреб, выкатил оттуда эту бочку, сказал «это твое», упал за мертво и заснул. Вино хорошее, такое редко когда попробуешь.

Рыцарь повернулся, тихо вошел в комнату и вышел оттуда с кубком.

– Давай за нее, – тихо сказал он.

– Давай, – ответил дракон.

Снизу из темноты поднялась огромная когтистая лапа. Зажатая в ней бочка выглядела маленькой кружкой. Дракон осторожно коснулся стенкой бочки кубка, и они выпили по глотку.

– Как твой бок? – спросил дракон.

– Заживет.

– Не заживет, – возразил дракон. – Ты к утру истечешь кровью. Покажи.

Рыцарь посмотрел дракону в глаза, поставил кубок на широкие балконные перила и распахнул плащ.

Под плащом он прямо поверх одежды был перемотан широкой матерчатой лентой, из-под которой по кожаным штанам и сапогам стекали большие капли крови.

Дракон посмотрел, убрал куда-то бочку, потом быстро и аккуратно полосу огромным когтем по ленте сверху вниз. Лента упала сразу вся. Из одежды рыцаря был выдран огромный клочок, и в этой дыре стали видны три глубокие рваные раны на боку рыцаря. Из них сразу хлынула кровь.

– Эх я тебя, – произнес дракон, – вовремя ты тогда щит подставлял. Ладно, терпи, не разбуди женщину.

Дракон сделал морду трубой и тихонько дохнул невероятно горячим воздухом на рану. Рыцарь стиснул зубы, закрыл глаза и стал белым.

– Потерпи, сейчас легче будет, – сказал дракон.

Рыцарь медленно открыл глаза, разжал зубы, долго выдыхая и посмотрел на бок. Кровь уже не текла.

– Ну вот, – удовлетворенно пробормотал дракон, – теперь возьми это, – он повернул голову и приблизил к балкону огромную шею. Из шеи между двумя пластинами чешуи торчала рукоять большого кинжала. Рыцарь взялся за нее двумя руками, с трудом вытащил кинжал и посмотрел на клинок. На самом кончике клинка висела темная капля.

– Это моя кровь, – пояснил дракон, повернувшись и тоже посмотрев на клинок. – Хорошо, что кинжал твой оказался чуть-чуть короче, чем нужно. Теперь размажь эту каплю по ранам.

Рыцарь аккуратно ладонью снял каплю с клинка, кинжал сунул за голенище, а ладонью осторожно помазал раны.

– А теперь вот так, – дракон высунул громадный раздвоенный язык и с одного из его концов сбросил точно на раны большую каплю. На боку у рыцаря зашипело, вспенилось, он опять стиснул зубы, сжал кулаки, но не издал ни звука.

– Вот теперь заживет, – заключил дракон.

Бок перестал шипеть, пениться и покрылся коричневой коркой. Рыцарь разжал зубы, опять долго-долго выдыхая. Посмотрел на свой бок, а потом, повернувшись, бросил взгляд в глубь комнаты.

Женщина спала.

Рыцарь снова посмотрел на свой бок, потом на дракона.

Дракон смотрел на него, в лапе у него опять была бочка.

– Почему ты дал себя победить? – спросил рыцарь. – Теперь мы оба знаем, что я не справился.

– Я понял так, что тебе очень нужна была эта победа. И тебе очень нужен был я. Теперь понимаю, зачем.

Они оба одновременно посмотрели в глубь комнаты. Спящая на шкурах, освещенная пламенем каминная женщина была невообразимо, ослепительно красива. Она чему-то улыбалась во сне, не выпуская бокала из руки.

– И теперь она повяжет мне розовую ленточку, – глядя на женщину, проговорил дракон, – и, согласно традициям, я по праздникам буду летать над замком и дурным голосом реветь, что меня победил ты во славу ее. А в остальные дни я буду сидеть в пещере и, что бы ни случилось плохого в округе, буду во

Виталий Николаев

Россия. Образование среднее, по специальности – водитель, строитель, сантехник, электрик – в общем, мастер на все руки.

Писать начал недавно. Больше всех направлений в фантастике его интересует юмористическое фэнтези. В этом жанре и старается творить. Во втором номере альманаха «Сумрачный гений» имел дебютную публикацию. На литературном конкурсе «Черный кот – 2011» награжден специальным дипломом «За удачный дебют». Активно работает над первым сборником рассказов. Живет в г.Краснодаре.

всем виноват. В качестве дани будут пригонять старую, уже не нужную в хозяйстве скотину, вплоть до дряхлых собак и кошек. И будет так, пока кто-нибудь особо обиженный на кого-нибудь меня не отравит.

– И ты, зная всё это, никуда не улетишь? – спокойно спросил рыцарь. Они оба по-прежнему смотрели на женщину.

– Мы древней людей, – проговорил дракон, – понятие о чести у нас появилось раньше, намного раньше. Ты рыцарь, ты меня победил, я дал тебе слово.

– Я возвращаю тебе его, – сказал рыцарь, и они посмотрели друг на друга.

– Я возвращаю тебе твое слово, – медленно повторил рыцарь и взял кубок с перил. – Ты свободен, улети.

Глаза у дракона стали золотыми, и в них зажглись красные искры. Он опять осторожно коснулся стенкой бочки края кубка в руках у рыцаря и одним долгим глотком осушил бочку до дна.

Рыцарь тоже сделал большой глоток, не выпуская кубка, сложил руки на груди и посмотрел в ночное небо.

– Полетели со мной, – предложил дракон и, далеко вытянув лапу, надел бочку на флюгер соседней башни.

Рыцарь перевел взгляд на него.

– Полетели: ты же не нужен ей, – дракон опустил морду почти вплотную к рыцарю, и теперь они смотрели глаза в глаза.

– Ты же понял уже, что не нужен ей, – повторил дракон, – ни ты, ни твоя победа... Ей не нужно твое сердце, и для нее слишком огромно твое великодушие. Полетели со мной: я знаю, где ты нужен.

Рыцарь помолчал немного, не отводя взгляда, поднес кубок к губам и осушил его до дна, потом повернулся, неслышно вошел в комнату и приблизился к ложу.

Женщина спала.

Рыцарь постоял немного, глядя на нее, потом поставил кубок на край ложа и достал откуда-то из-за пояса перстень с большим драгоценным камнем. По камню переливались искры отраженного от каминного света. Рыцарь посмотрел на камень, на женщину, осторожно положил перстень рядом с ее рукой, держащей бокал, постоял еще немного, потом развернулся и, не оборачиваясь, пошел на балкон.

Проходя мимо кресла, он взял меч, поколебался немного, глядя на шлем, и, не взяв его, вышел на балкон.

Дракон что-то пережевывал.

– Фяф, – сказал он, увидев рыцаря. Тот, глядя на него, не торопясь, прицепил меч к поясу и запахнул плащ.

– Фифяс, – сказал дракон, пожевал еще немного и, прицелившись, выпустил через окно тонкую, как игла струю зеленого пламени прямо женщине в бокал. Струя коснулась внутреннего края бокала, и гранатово-красное вино стало изумрудно-зеленым.

– Это ей от меня, – пояснил дракон, придвигаясь к балкону, – здесь растет одно деревце... В общем, когда она это выпьет, она на долгие годы сохранит здоровье, молодость и красоту. Полетели.

Рыцарь прыгнул на перила, шагнул на широкую спину дракона, лег на нее и, насколько мог, обхватил его шею.

Распахнулись огромные крылья, и совершенно бесшумно, одним взмахом, дракон оказался высоко в небе. На мгновение замер, еще шире распахнул крылья и в несколько взмахов исчез где-то между звездным небом, темной массой леса и горизонтом.

В большой пустой комнате горел камин. Изумрудное вино в бокале чуть-чуть светилось: казалось, на дне бокала сверкает уголек. Драгоценный перстень рядом с бокалом изредка переливался искрами. Женщина спала.

Не успел мальчик ответить, как старый музыкант вскрикнул:

– Ба! Мать честная!

У самого края дороги, где-то вдали, виднелось дерево. Путники ускорили шаг и вскоре разместились под его тенью. Кругом была выжженная зноем степь, и только здесь росло это чудное дерево, казавшееся миряком. В его желтых, с красным отливом плодах светился сок. Нищий с мальчиком собрали все осыпавшиеся плоды, похожие на алычу, но так и не насытились ими. Тогда музыкант стал бросать в крону дерева своей скрипкой, пока та не застряла между корявых ветвей.

– Полезай-ка на дерево, – сказал он мальчику, – потряси его ветви, а я внизу плоды пособираю. Авось и скрипка моя упадет.

Влез слепец на злосчастное дерево, но то не поддавалось его силе. Наоборот, чем выше взбирался малец, тем больше, казалось, ветви и листва обволакивали его тело.

– Эй, хватит, – отчего-то испугался нищий, – слезай с дерева: надо идти.

– Не могу... Мне трудно дышать, – простонал тот, – кажется, я запутался в его колочих ветвях.

Старый музыкант стал прыгать подле ненасытного дерева, да только лицо исцарапал, седые волосы растрепал.

Когда придет осень и опадет листва, хищное дерево обнажит свои черные, покрытые лишайником сучья. В них, словно в цепких щупальцах неведомого зверя, можно было увидеть и скрипку старого музыканта, и чью-то клюку из слоновьей кости, лапоть, башмак и даже пару носков. И где-то вверху, меж узловатых ветвей, был еле различим скелет ребенка.

Все имеет свою цену, но порой цена оказывается несопоставимой с нашими ожиданиями. И то, что казалось дармовым, со временем приобретает, прямо скажем, чудовищную цену.

Иван Карасев

Россия. Стихи и прозу пишет с 1987 года, печатается с 1993 года. Окончил Кубанский государственный технологический университет.

В 1999 году в свет вышли две его книги — «Вьяря» и поэтический сборник «Круг земной». В 2003 году книга «Вьяря» была отмечена специальным дипломом губернатора Краснодарского края Александра Ткачева «За высокие достижения».

В том же году в Краснодарском выставочном зале прошла выставка графики Ивана Карасева (свои книги он иллюстрирует сам).

В настоящий момент Иван Карасев работает экономическим обозревателем Краснодарского филиала «Российской газеты». Готовит к публикации новый сборник стихотворений «Евангелие от Мрака».

Увлекается этнолингвистикой, мифологией и грамматологией. Является автором планового языка Араху (с декабря 2009 года издается литературный журнал на этом языке «Аса» / «Знание»). Постоянно публикуется как в СМИ, так и в творческих коллективных сборниках. Член Союза писателей России и член Союза журналистов России. Живет и работает в г.Краснодаре.

ХИЩНОСТЬ

В жаркий полдень по пустынной дороге шли двое: нищий музыкант и слепой мальчик.

– Я пить хочу, – стонал мальчик, – я есть хочу!

– Потерпи, – уговаривал его нищий, – скоро придем. Хочешь, я спою тебе Лазаря или «Ищите и обрящете»?

– Не хочу – надоело.

– Тогда хочешь, я расскажу тебе историю про хищника?

Мальчик насторожился, но перестал плакать.

– А она, эта твоя история, не страшная? – поднял он бесцветные глаза на попутчика.

– Глупый, глупый мальчик, – рассмеялся нищий, глядя его по голове. – Это всего лишь сказка, придуманная мудрыми людьми байка. Слушай.

Летал как-то над полем гордый орел. Он был столь грозен и могуч, что все птицы, завидя его, трепетали и летели прочь. Да вот беда, был он постоянно голоден. И сейчас, паря в жарких лучах солнца, он искал добычу: не бежит ли где хромой заяц и не отбилась ли от стада тощая овечка. И, о чудо! Видит он – лежит на земле человек. Без движения, без малейших признаков жизни. «Вот это находка!» – обрадовался орел и, сложив крылья, камнем ринулся на свою жертву. Но не так прост человек. Он нарочно притворился мертвым, поскольку сам был голоден до безумия. И когда когти чуть коснулись его спины, он изловчился и, крепко схватив орла, впихнул его в темный мешок. Громко крикнул орел, но человек только рассмеялся.

– Так кто же был хищником, дяденька? – чуть помедля, спросил мальчик.

– А ты как думаешь?

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

В день православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы, выпавшем на четырнадцатое октября, над Костомукшей после затяжных дождей засияло солнце. У нас в Приполярье солнце – наилучшая из всех космическая звезда!

Светит не жарко, но своим сиянием преобразает всё вокруг.

Этим утром лёгкий бодрящий морозец – предвестник приполярной зимы – покрыл ещё зелёную траву серебристым инеем, а лужи заблел ледком. Преображённая Костомукша, ещё вчера омываемая дождями, а сейчас скованная морозным дыханием, тихо сияла, встречая новый день. Над современным городом, с его пяти- и девятиэтажными коробками зданий, раскинулись ослепительно голубой небосвод. А под ним узорчатый густой лес, охватывая кольцо городские окраины, застыл вечным стражником.

Будь моя воля – в этот погожий денёк я отменила бы повсюду всякую работу и учёбу в школах. Чтобы все-все костомукшане – и маленькие, и взрослые – вышли из каменных зданий на улицы и ахнули бы от восторга: солнце в гости к нам пришло!

Под солнечными лучами расцвечиваются ярче краски глубокой осени. Знаете, что это такое? Это когда в посеребренных инеем зарослях шиповника пылают огнём крупные ягоды, и желтобрюхие птицы, стайкой слетаясь, устраивают там свой пир! И мигом вспарывают вверх, к соснам, почуяв опасность... Это когда густой ковер из опавшей листвы, устланный у подножия деревьев, тускло и таинственно блестит под инеем, притягивая взор – как немислимое богатство в сказочной сокровищнице. В прозрачном воздухе в тихом танце кружатся пёстрые листья, будто залётные тропические бабочки невиданной красоты. И падают тихо листья-бабочки под ноги прохожим. Свечами белеют стволы берёз, темнея подпалинами. И высветятся горделиво их прозрачные кроны. Целая берёзовая аллея просвечивает насквозь! Лиственные деревья, сбросив свои одеяния, застыли в тихом ожидании первого снега. В этой их обнажённости, такой чистой и светлой, таится что-то необычайно нежное и незащищенное – точно это душа каждого дерева распахнулась настежь!

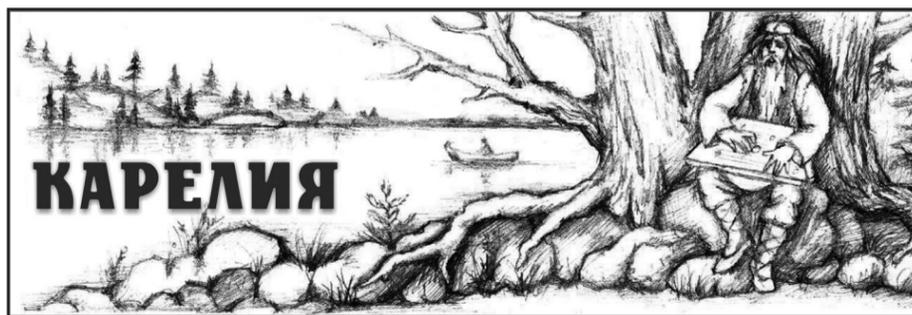
Наш городок – ему едва минуло четверть века – совсем мал: за полчаса вдоль и поперёк можно отмерять его шагами. В нём не ощутишь историческую ауру, как в древних российских городах, с их обилием храмов, архитектурных шедевров-комплексов и наличием других достопримечательностей. Но с первого же взгляда Костомукша пленяет – сразу и навсегда! Нет ни в одной точке мира другого такого места. В непроходимой тайге на севере Карелии вырос городок – одна из карельских жемчужин. А жемчужина потому, что её величество Природа царствует в Костомукше. И тот, кто открыл эту тайну мироздания – тот навек связал свою судьбу с ним. И то сказать – уберечь с лица города берёзовые аллеи, еловые и сосновые куртины, рябиновые заросли – и останутся дома голыми, как в пустыне. Асфальтовые джунгли и нашествия автомашин – всё, наступит катастрофа, урбанистическая страшная утопия осуществится! Так что, мы, люди, понимаем, какое нам выпало счастье: жить в тёплых домах, гулять по гладким тротуарам и – о, счастье! – наслаждаться первозданной красотой природы! И поэтому бережём свой уникальный город.

Ещё совсем недавно, в сентябрьские дни, ясные или ненастные, пылили в костомукшском небе золотые купола высоких берёз, а потом, в листопад, золото осыпалось на землю. Но это случилось позднее, ближе к концу сентября. А вот немногим раньше, в разгар бабьего лета, город был ещё краше – так юная прелестница пленяет свежестью и грацией! Пламенели рябиновые кусты, а на газонах, точно под гребёнку подстриженных, жались к берёзам ещё кокетливо пестревших нарядной листвой стайки мухоморов. Их уродилось этой осенью много, алые шляпки в белых точках притягивали взгляд прохожих издали. Эти мухоморы, свеженькие от частых дождей, являлись неотъемлемым декором осеннего городского пейзажа...

В центре города, вблизи Дворца культуры, на широкой пешеходной дорожке, открывается вид на озеро Контотки. Но к озеру нашему лучше прийти на вечерней зорьке – и увидишь осеннюю сказку! Берег не одет в гранит набережной, этим и чарует – только валуны да камни размером поменьше устилают его у крошки воды. Октябрьским вечером, таким переменчивым, как капризная красавица, полыхает над озером зоря – точно огненные кони скачут по небу в хмурых облаках! А внизу – гладь озера, а в неё глядится задумчиво таинственный лес.

Скоро выпадет первый снег. И новую страничку перелистывает октябрь...

Татьяна АНАК

Первый день года...

Моим родителям посвящается...

- Проснулась, доченька? – слышу мамин голос. - С Новым годом тебя! Глянь, погодка-то, на загляденье! Сама природа радуется сегодняшнему дню! Вставай поскорее... Синички уже заждались! Вон, разлетались над кормушкой...

Завтракаю оладьями со сметаной, выпиваю большую кружку горячего чая и, наскоро одевшись, выхожу на крыльцо. Ах! Зажмуриваю глаза: от брызнувшего яркого света, от ослепительной белизны, от невиданного после городской тесноты простора.

Вокруг чистойшей, девственной снег, высоченные перламутровые сугробы и безмятежная, умиротворяющая тишина: настоящая снежная безмолвие. Деревья как будто еще и не просыпались. Ветра нет. Ровный, поднимающийся к небу дым из труб – верная тому примета. Ясное небо и искриющийся на солнце снег – к хорошему морозцу. А какой воздух: свежий, вкусный, морозный! Дышать – не надыхаться...

К кормушке подлетело несколько синичек, с любопытством поглядывают в мою сторону. Привыкли синички к свежим ломтикам сала, к семечкам, крошкам белого хлеба.

Нравятся мне эти птицы за аккуратность, за их, можно сказать, благородство. Всегда опрятные, чистенькие... Не то, что наши городские, чумазные воробьи, не брезгующие отбросами из контейнера.

- Сейчас, милые, сейчас... - Прокладывая деревянной лопатой снежный тоннель, добираюсь до птичьей кормушки. По дороге здороваюсь со спящим кустом смородины, подоткнувшим под себя снежную перину, с яблонями, закутанными в белые кокетливые шубки.

- С наступившим Новым годом, – шуточно приветствую их. Яблоньки в ответ осыпаются серебристой снежной пылью, веселыми огоньками вспыхивающей на солнце.

Насыпав корм птицам, беру пустые ведра и по протоптанной снежной тропинке иду к колодезю. Снег скрипит под ногами, морозец щиплет за нос и щеки. Колычий шарф на морозе заиндевел от моего теплого дыхания. Возле колодезю скользко, поэтому соблюдаю осторожность. С полными ведрами студеной воды возвращаюсь домой. Иду неторопливо, оглядывая знакомую деревенскую местность, вспоминая свое детство. Вот с этой крутой горки мы когда-то до темноты катались на санках. С ветерком и визгом! Домой возвращались по уши в снегу: румяные, довольные и счастливые. А вот по той тропочке по морозу бегали уже на дискотеку в местный Дом культуры...

Как давно это было...

На крыльце, приподняв замерзшую лапку, мяукает наша кошка Ладка. Просится домой, в тепло. Беру Ладку на руки, прячу нос в ее пушистую, мягкую шерстку. И перед тем, как зайти в уютный родительский дом, еще раз оглядываю утонувшую в снегах карельскую деревеньку, свою малую родину...

С праздником, дорогие мои земляки! С первым днем Нового года!

***

Светлые, теплые воспоминания, солнечным лучиком отложившиеся в моей памяти, от которых на душе становится теплее и легче.

Нет в живых моих родителей, нет кошки Ладки. Синички забыли дорогу к заветной кормушке. И только яблонька все так же клонится тяжелыми ветками к земле, да смородина стоит гордой барыней, подоткнувшей под себя пушистые перины чистого снега. И яркое солнце, такое же ослепительно белое!

Солнечная сказка моей жизни....

Дина ЛЕБЕДЕВА

И каждая бусинка синего цвета

Насколько мог охватить взгляд, настолько простирался вокруг ковер черничника. Перевалило за вторую половину сентября, бабье лето. Кустики уже стряхнули с себя листья. На оголенных ветках ягоды висят, как иссиня-черные жемчужины – крупные, переполненные влагой. Уже не сладким соком, а пресной прохладной водой. Сейчас самое время бруснику собирать, на чернику уже никто и не смотрит. Разве что кинуть в рот ягоду-другую...

«И каждая бусинка синего цвета напомнила вкус уходящего лета...»

Тихая песня, легкий мотив. Слова – как слезы легкие. Порывом ветра с берез смахнуло стайку золотистых листьев. Они дружно взвились в воздух, крошечные феи в желтых юбочках с зазубринками по краям... Но тут же рассеялись, разделились – по одной, по две, и развело их по сторонам. Не уследить, куда приземлилась каждая из желтых капелек.

Осина уже пламенеет, только и ждет ветреного дня – затрясется вся, затрепещет, заплачет багряними слезами. Красивая, но нервная, не дотронься до нее.

Грибы уже первым холодком тронуло. Которые еще крепенькие стоят, а которые, чуть задень ногой, и сразу в кашу превращаются. Мухоморы – красавцы! Жаль, не соберешь в лукошко, не принесешь домой. Какая-то черная кочка под ногой, пройти мимо или рассмотреть? Чу, да это же груздь! Белый! Просто вся шляпка его перламутровая подгнившими листьями залеплена. А вот и еще один, и еще! Ну, ребята, раз назвались груздем, полезайте в корзинку!

Тропинка прошла черничник, заплетая между деревьями, спрыгнула под горку и вывела на песчаную полосу берега. Озеро – как овальное зеркало. В центре курчавятся белые облака-барашки, по краям лес отражается. Из жердочек мостки сделаны. Вода – прозрачная-прозрачная! На мелководье дно пушистое, мох под водой зеленым одеялом колышется. Руку опустишь – не так уж и холодно, но купаться что-то не хочется! Утки снылись с гладкой поверхности, замахали крыльями-пропеллерами, очертили круг над озером и снова на воду сели. Тренируются перед дальней дорогой, наверное. Утят уже не отличишь – выросли, совсем большие стали.

Облака сбились в кучу и полезли всей толпой на солнце. Небо сразу насыпилось, а за ним и озеро потемнело. Лес как будто присел, деревья обнялись, приготовились... Тук-тук, первые капли попробовали воду, и брызнул дождик. И солнце снова выглянуло! Озеро покрылось рисунком из маленьких колечек, заблестели мокрые листья, как разноцветная мозаика, покрывшие берег.

Тропинка домой зовёт – через лесок, через черничник, стряхнувший вместе с дождем отяжелевшие ягоды, последние.

И каждая бусинка синего цвета....

Наталья АХОНЕН

Елена Пархоменко

Живет в г. Костомукше. Публиковалась в газетах и журналах России, и зарубежья. Последняя публикация вышла в литературном журнале США «Острова».

***

Я двадцать лет не видела отца...
И, наконец, сбылась моя мечта!
В Москву приехала я в первый раз,
На площадь трех вокзалов. Там у касс

Все мучил и терзал вопрос томя:
“Живой отец?” и “Помнит ли меня?”
Нелегким был тот путь в Кораблино...
Не знала об отце я ничего...

“Москва-Челябинск” - поезд, мой вагон.
И шесть часов, как будто долгий сон.
Задумавшись сидела у окна,
А поезд в неизвестность мчал меня.

Березовые рощи за окном...
Алеет горизонт... А в горле ком...
Стоянка две минуты... На перрон
Я вышла... Загорелся ламп неон.

На площади вокзала у ребят
Спросила адрес. В тишине стоят
Вдоль улицы дома, но где же тот,
В котором, может быть, отец живет?

Я двадцать лет так этот день ждала...
Я двадцать лет по той дороге шла...
Я двадцать лет не видела отца...
И вот теперь я у его крыльца...

Дай силы, Боже, мне и мужества!
Я в этот двор сама войти должна,
Подняться на отцовское крыльцо...
Увидеть только бы его лицо...

Негромкий стук... Выходит мой отец...
Его глаза я вижу наконец!..
Как постарел, уже почти старик.
И двадцать лет - ценою в этот миг.

Растерянно он смотрит на меня:
“Вы к нам?”, “К тебе!”...
“Не помнишь?”... “Лена я.”
“Не помню...” , “Лена?..” ,
“Может быть... жена?..”
“ Не надо!”, “Дочь...
я дочка ведь твоя!”...

В мгновение пронеслись все двадцать лет.
Но время в сердце оставляет след.
“Ах, доченька!”... Отец меня обнял,
Не сдерживая слез, к груди прижал.

...И двадцать лет разлуки
будто не бывало.
Мы рядом наконец!
И счастье нас объяло.
И радость на душе!
И горечь гложет сердце...
Ведь эти двадцать лет
могли бы быть мы вместе.

***

Во мне еще бушуют страсти,
И чувства рвутся из груди.
Еще желанья не угадали,
В душе горит огонь Любви!

Хочу в тебе вновь раствориться,
И плыть с тобой в стране Любви...
Росою радости умыться,
Очнуться на твоей груди.

Мой милый, нежный человек!
О, мой любимый, мой желанный!
Я вся в тебе, твоя навек,
Полна любовью долгожданной.

О, как прекрасен этот миг!
В забвенье чудном окрыляясь,
Лечу сквозь Время и Миры,
Во всех Вселенных растворяясь!..

Поздравляем

ОТ ДОБРА К ДОБРУ

Человек оставляет себя в этом мире в нескольких ипостасях – ребенком, отроком, зрелым человеком, стариком, и, если удастся, философом. Но вдруг на сотню, на тысячу рождается философ уже сразу, с детских лет. Перерождение его из жизни в жизнь идет вопреки законам внешнего мира, не из гусеницы в кокон, а потом в бабочку. А сразу, одаренный крыльями мастера, воплощается он на новой спирали из бабочки в бабочку, из птицы в птицу, аз ангела в ангела. И, в противовес поговорке «от добра добра не ищут», поиск жизни феномена трудными переходами проходит не терциями и не кватрами, как у тысяч других, а сразу октавами от До до До: от добра - к добру.

Михаил Ножкин – уникальное явление современной эпохи. Не многие знают, что все барды пошли от Ножкина. Именно Михаил отворил путь философии песенной. И авторская песня полна смысла, лирики, мастерства. Она безупречна. Он весь – фундамент. Не окаменевший статичный. А движущийся, динамичный, как Земля, из которой произрастает все живое. Поверхностный и глубинный одновременно. Охватывающий все стороны медали – «орла» и «решку», «ребро» и, собственно, сам состав. Их много. Больше, чем мы бы могли себе представить. Мои любимые - песня про электричку, песня про тетю Ньюшу, про шеню, песенка про кладбище, песня-реквием про Ржев, песня молитва «Помоги им Боже!»...

Звание «Народный артист» не совсем ему подходит. Этого мало. Слишком мало для нашего понимания Ножкина. Их достаточно, хороших народных артистов. И что такое артист? Сценарист написал слова. Режиссер вложил смысл. Оператор снял в выгодном ракурсе. Вот и все. Я знаю много народных артистов, которые на экране говорят одно, а в жизни они совершенно другие. Лживые. Мелочные. Порочные. Бывает, торгуются они со мною, как за пучок редиски, о цене выступления на нашей сцене. Бог им судья.

А он не торгуется. Он приходит. И в буквальном смысле слова «пашет», хотя уже и ноги не так резвы. И дыхание сбито. И голос теряет серебряный звон. Но звучит «Разведка ГРУ, разведка боем...», «Мы так давно не отдала...», «Я люблю тебя, Россия» на встречах с ветеранами и в молодежных центрах, на малой сцене из десятка зрителей и в шестистысячном Кремлевском дворце съездов, с оплатой и без, но всегда под бурю аплодисментов. И зал слушает стоя. Это песни-гимны. Песни-молитвы. Песни-хоругви. Эти песни-послания похожи на энергетические столбы от земли к небу. От настоящего – в прошлое и будущее.

Станиславский говорил о сверхзадаче. Сверхзадача Ножкина, как ни странно, в любви. Его герои любят друг друга, любят города, страну, планету. Любят всем естественным, а значит, их предназначение все это защищать. Отсюда песня: «Добро должно быть с кулаками».

Родоначальник «Голубого огонька», куда приходили интересные люди, был именно Михаил Ножкин. Все формы разговорного жанра освоены им блестяще! Это фельетоны, монологи, куплеты, частушки, новеллы, пародии...

Озвучены песнями и музыкой сотни песен. Тоже блестяще! Работают через сценарии, через вечера авторские встречи сотни идей. Великих идей! Не всегда звучит фамилия. Не всегда автор получает за это деньги. В нашей стране, почему-то это стало нормой. Согласно легендарной книге Святогора, изначально живут на Земле дети Земли. И дети Неба. Лучшие из детей Земли - Хранители, худшие – расточители. Худшие из детей неба - Хранители, лучшие - Творцы. Он творит. Расточители пользуются.

Михаил Ножкин относится к детям Неба. Лучшим детям неба. Он – Творец. Небесным огнем горят его очи. Так, у Альбина, одного из учеников древнегреческого философа Платона, говорится: «Установив на лице светоносные глаза, боги заставили их сдерживать заключенный в них огненный свет». А в его «Золотое Перо» вложен небесный дар. Он владеет, как мечом, СЛОВОМ! Это не только величайший дар, но и невероятно большая ответственность. Почему? Да, хотя бы потому, что вслед за Ножкиным выходят Хазанов, Задорнов, Иванов... А откуда «ножки растут»? От Ножкина! Вот показывают с экрана сериал за сериалом. Воины. Афганцы... Да, молодцы. Да красивы. Да, искренни. Но все это лишь эстафета. Лишь второй шаг. А первый там, в киноленте «Освобождение» Ножкин кричит: «Пушку в метро!» Его герой, майор Шатохин, воюет в морской пехоте, в штыковую атаку идет подполковник Рошин, разведчик «Белка» сражается борцом «невидимого фронта»

в фильме «Ошибка резидента»...

Его лирические герои нежны и надежны. «Каждый вечер в 11» слушает проникновенный голос героиня актрисы Володиной, ждет, ждет и еще раз ждет и «ходит по мукам» героиня Пенкиной своего Рошина. А дома...

45 лет душа в душу с любимой женой Ларисой. Ей и посвящение нового двухтомника избранных произведений «Точка опоры» и «Будь человеком».

Почему зритель верит? Да потому, что скелет мироздания, внутреннего благородства актера совпадают со сценарными строчками. Потому что он, Михаил Иванович Ножкин, думает так же и так же поступил бы в жизни, как его нарисованной героиней. Потому что многие ленты оживлены лучезарным светом авторской песни. А в них – душа. Его душа, но самое невероятное, твоя душа и моя душа, а значит, общий стержень нации. А Михаил – носитель информации поколений.

Вот ступают на подиум политики. Но ответственный шаг поэта и гражданина Михаила Ножкина там, на Манежной площади, собравшей тысячи недовольных. Ситуация практически революционная. Одно неверное слово – и брат может пойти на брата.

- Здорово, мужики! – восклицает Ножкин. И многоголосым басом вторит ему легендарная московская площадь...

Мы познакомились не случайно. 80-тилетний юбилей моего давнего друга скульптора Видулова собрал друзей в зале гостиницы Измайловская в 1997 году. Ножкин читал стихи. А пела я. И первый его жест в отношении незнакомой «певуны» поразил заботу и простотой. Он подскочил к микрофону и помог его поправить, чтобы удобнее было петь. Только бард в этом эпизоде может понять барда. Я подумала: «Надо же! Он не просто знаменитый актер, он человек! Добрый человек!»

С этого чуткого жеста помощи началась наша дружба. Мы обменялись телефонами. С тех пор я отношусь к Михаилу Ивановичу, как наши предки относились к волхам. Мне не важно, любит он меня или не любит, ценит или не ценит, знает о моем творчестве или нет. Он знает гораздо больше информации, чем попадает к зрителю с экрана. Работая над романом «Распутай время», я поделилась сомнением о том, что наших воинов под Москвой во время ВОВ бросали на танки без парашютов. Эта легенда семьи не давала мне покоя с рождения, наверное. Михаил Иванович одно время работал ведущим программы на телеканале «Звезда» и был допущен к хроникам Госфильмофонда. И – О! Чудо! Он не только подтверждает легенду. А дополняет ее новыми подробностями. Да. Такой факт был. Сибиряков, прошедших мимо Сталина по Красной площади, направили прямоком на фронт. Да. Парашютов не оказалось. И легкие самолеты сбрасывали воинов в том числе и моего деда Петра Федоровича в белых масках прямо на снег. И новые подробности о смелых сибиряках. Они придумали распускать порезанные лентами плащ-палатки, и как с горки скатываться с них, одновременно открывая «огонь» по вражеским танкам. Именно благодаря находчивости наших воинов, стойкости и смелости, танки в Химках под Москвой были остановлены.

Когда я была в Сербии и проходила путь наших артиллеристов, мне рассказывал дедушка, очевидец освобождения русскими войсками славянских земель Европы, как русские воины угощали его круглым русским шоколадом. Что за круглый шоколад? Михаил Иванович уже в Москве поведал мне о том, что во время ВОВ, когда наши воины освобождали Европу от фашизма, для детей освобожденных стран была выпущена специальная серия шоколада в виде бубликов. Крестьянские ребята шли впервые в жизни пробовали его. Как такое забыть?!

Это только краткие фрагменты общения. Михаила Ивановича награждали орденами и медалями. Общественные организации и правительства. Лауреат Государственных премий. Он почетный гражданин многих городов. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». А в прошлом году обладатель высшего признания содружества литературных сообществ, обладатель знака номер Один как «Лучший автор нового тысячелетия».

И вот, юбилейный вечер. 75-тилетие. Колонный зал Дома союзов собирает друзей. Не простых людей, а втязей. Рыцарей «Золотого Пера Руси». Военных. Генералов. Политиков. Героев труда.

Подготовка идет на моих глазах. Михаил Иванович придает важность каждой мелочи. Пригласительным билетам, выпуску двухтомника, фуршету, видеоряду.

На сцене он вдруг преображается. Молодеет лет на тридцать. Глаза сверкают голубым огнем. Поет в живую без фона. Зал в живую реагирует. Смеется и плачет. И Ножкин плачет вместе с залом под песню о Ржеве. А потом танцует, да как танцует! И улыбается. А как улыбается!

Выступает Валерий Ганичев, Председатель Союза писателей России. Он выдвигает интересную и правильную мысль - утвердить звание «Народного поэта» и назвать этим званием Михаила Ивановича. Зал поддерживает идею единогласным голосованием.

Выступают артисты Лановой и Соломин, Задорнов и Михайлов.

Но вот наша очередь поздравлять. Мы представляем Национальную литературную премию «Золотое Перо Руси». В Колонный зал съехались представители творческой интеллигенции из Сибири, Мордовии, Татарстана, Поволжья, Украины, Молдовы, Казахстана, Италии. Присутствуют представители посольств Сербии, Польши, Словакии, Кубы, Болгарии. Поздравления пришли от русскоязычных авторов Германии, Канады, Израиля, Австралии, Бельгии, Австрии, Франции, других стран. Толстую папку с поздравлениями мы передали юбиляру.

Я высказываю мнение, что поздравление наших главных политиков Михаилу Ивановичу построено неверно, в прошедшем времени. Говорю, что 75 лет для философа только начало творческого пути. Зал скандирует. Ножкин ликует.

Но нам выпала честь отметить юбиляра и официально.

По результатам десятилетней работы проекта Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» Михаил Иванович Ножкин в Содружестве русскоязычных сообществ признан ПОЭТОМ номер ОДИН!!!!!! в многомиллионном русскоязычном мире!

Зал взрывается аплодисментами! В память об этом Александр Николаевич Бухаров торжественно вручает хрустальный кубок с дарственной надписью: «Достоинству сыну России, выдающемуся автору нового тысячелетия и Человеку с большой буквы Михаилу Ивановичу Ножкину в день 75-тилетия от Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» 19 декабря 2012 год», орден им. Г.Р. Державина «За верное служение отечественной литературе» и памятную плакетку. Да, это тот самый Бухаров, правнук прославленного гусарского генерала Бухарова, которому посвящали стихи Пушкин и Лермонтов, внучка которого была известным литературоведом и Есенин подписал ей с благодарностью за путевку в жизнь свой первый сборник стихов. Тот самый Бухаров, учредитель нашего «Золотого Пера Руси». Для вручения этих подарков, а также картины Николая Сафронова была приглашена также Президент содружества региональных авторов Вера Петровна Хамидуллина, приехавшая по этому случаю из Татарстана.

Мы передали множество подарков, в том числе экзотических. Алкогольная Сибирская группа подготовила к юбилейным торжествам по числу прожитых лет сувениры «Пять озер», «Хаски» и, пользующаяся у москвичей особым уважением «Кедровица». Дивизионный директор компании Комиссаров Евгений Васильевич присутствовал в зале.

Я пригласила на сцену и еще одного друга Михаила Ивановича, изобретателя разноногичных аппликаторов Николая Ляпка, он привез из Донецка специально к мероприятию лечебные свои иголки в дарственной упаковке.

Михаил Иванович Ножкин внесен в Степенную книгу Княжеского Совета. Для вручения почетной страницы с гербом Михаила Ивановича, который героически вос-

становили за несколько дней к юбилею, на сцену вышел Предводитель Княжеского Совета Василий Петрович Тишков-Одоевский. Дело в том, что предок Михаила Ивановича, начавшего свою трудовую деятельность с простого рабочего и инженера-строителя, был Генералом-губернатором. Но об этом мало кто знает. Юбиляр считает, что только личным трудом можно чего-то достигнуть в жизни. И он совершенно прав. Герб Михаила Ножкина отличался тем, что в центре его красовались символы труда серп и молот.

Рампа была завалена букетами роз, ведь «любимым подарком не дарят, любимых подарками осыпают!» 4 часа, как одна минута, проходят на одном дыхании. Общественные организации награждают новыми медалями и новыми орденами. Михаил Иванович снимает их в перерывах, чтобы освободить грудь.

4 часа. Как мало этого, чтобы увидеть, услышать, понять! Как мало! Так хочется, чтобы все, оказавшиеся здесь, услышали все его стихи! И все песни! И чтобы полностью фильм «Освобождение» и «Финист ясный сокол», озвученный его стихами, и «Хожение по мукам» и «Ошибку резидента» и «Каждый вечер в 11», и...и...и... Так хочется, чтобы они услышали и все интересные истории лично из его уст, как слышу их я по телефону. Чтобы вот так вот рядом. Он здесь тихо поет под гитару. А они на расстоянии вытянутой руки... Ножкин в жизни гораздо интереснее, чем на сцене и в кино! И чтобы каждый задал свой жизненно важный вопрос, на который может ответить только он, носитель «культуры, чести и совести современной эпохи», как назвал его писатель Сергей Проценко, специально прибывший на вечер из Новосибирска.

Двухтомники Михаила Ивановича буквально разлетаются в Колонном зале. Нам же они достаются лишь на следующий день. Не смотря на «драйв» после выступления, Михаил Иванович одаривает команду «Золотого Пера» книгами «Точка опоры» и «Будь человеком». Мне достается букет невероятно огромных бардовых бархатных роз. Но главный трофей – надпись в книге, да не простая, а стихотворный экспромт:

«Светлана!
Талантлива во всем, за что берешься,
Годам, болезням, бедам не сдаешься!
Живи! Дерзай! Рисуй! Вяжи! Пиши!
И творческое празднество верши!
Храни Вас Бог! Михаил Ножкин
20.01.2012г.»

Вот оно, счастье. В твердых обложках, долгожданный первый выпуск. Мы так ждали его! Все ждали! 75 лет ждали между прочим. И 10 лет готовили... Открываю. Бережно. Не поверите. Затанув дыхание. Поэты не любят поэтов? Глупости! Поэты не любят плохих поэтов. Но великих читают. Значит, чтут!

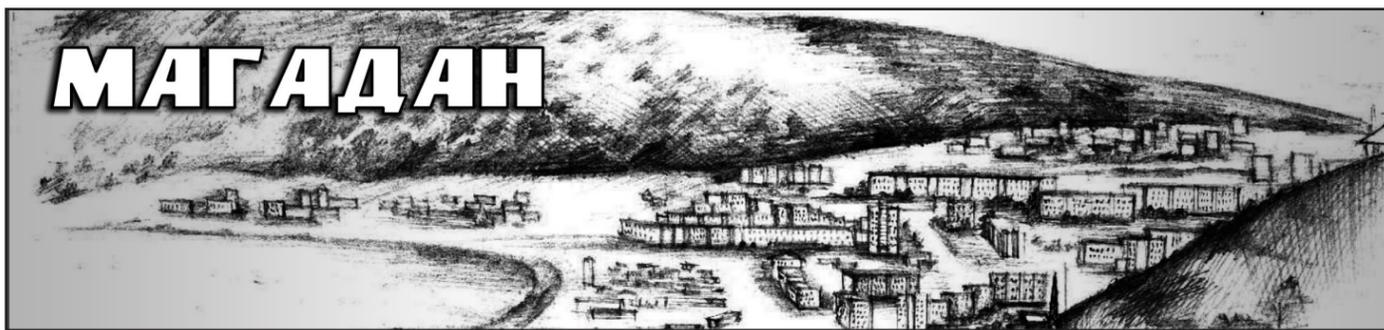
Что же тут? Издательство «Вече». 500 и 630 страниц. Солидно. Критическая статья Валерия Ганичева. Стихи. Не все. Но лучшие. Много. Публицистика. Эстрада. Сценарий фильма «Сын земли родной». Музыкальная комедия «Насильно мил не будешь».

Во втором томе - песни. Их даже больше, чем стихов. И несколько статей.

Книги снабжены цветными лакированными вклейками фотографий. Фрагменты из фильмов. Знаковые люди. Политики. Священники... Люди – символы. Люди – бинарные точки времени.

На обложках то, что кажется автору важнее самого себя – рабочий и колхозница, храм Божий, и точкой опоры - Красная площадь Кремля, как центр русской Земли.

Светлана САВИЦКАЯ
21.01.2012г. Москва
Фото Михаила ТИЩЕНКО

НАСТЯ ГАРУСОВА

Родилась в Хабаровске, детство и отрочество провела в Магаданской области, в поселке Мьянджа. Писать стихи начала с восьми лет. Помимо стихов пробовала себя в прозе, писала рассказы. В последние полтора года успела побывать внештатным корреспондентом Колымского Тракта, печаталась еще в нескольких изданиях. Поступила в Северо-Восточный Государственный Университет на филологический факультет по направлению «Журналистика». На будущее большие планы, как и полагается 17-летней девушке: издать сборник стихотворений, попробовать себя в качестве теле или радио ведущей и влюбиться...

**Я так устала притворяться
Серьезной, умной и красивой,
Мне надоело улыбаться,
Стараясь выглядеть счастливой.**

**Я больше не могу не плакать,
Когда обидно, или дождь
Противно звонко будет капать
И вызывать по телу дрожь.**

**Меня давно гнетут приличья –
Себе так много не позволишь:
Ни откровенья, ни отличья...
А я ведь женщина всего лишь...**

***

**Отвечает твоя сирень.
Ее лепестки опали,
Струится прохладой тень.
И в воздухе след печали...**

**Маят теплые листья
Твои холодные пальцы.
Болезни с ними не слитыся,
Не стоит даже касаться...**

**Когда ответит сирень,
И листья ее опадут,
Ты будешь всего лишь тень,
Холодные пальцы умрут...**

***

**Оно, как небо, бескрайнее.
Глубокое, как океан.
Как секрет мироздания, тайное.
И зыбкое, как туман.**

**Оно, как бумага, тонкое.
И хрупкое, как хрусталь.
Как капля дождя – звонкое.
И временное, как печаль.**

**Оно, как ветер свободное,
Как птица в небе, парящее.
Оно, как юность. Природное.
Мое чувство к тебе настоящее...**

***

**Видишь, солнце встает –
Это я просыпаюсь.
Ласково луч блеснет –
Это я тебе улыбаюсь.**

**Слышишь, шумит прибор –
Это я с тобой говорю.
Облако над головой –
Это я на тебя смотрю.**

**Встречает лес тишиной –
Это я рядом молчу.
Дом укрыт темнотой –
Это я задуваю свечу.**

**Огонь теплом согревает –
Это я тебя обнимаю.
В небе звезда сверкает –
Это я тебе путь освещаю.**

**Тучи луну закроют –
Это я на тебя обижаясь.
Снегом плечи покроет –
Это я к тебе прижимаюсь.**

**Молния, гром гремит –
Это я тебя так ревную.
Бабочка близко летит –
Это я тебя так целую.**

**После засухи дождь стучится –
Это я тебе все прощаю.
Медленно солнце садится –
Это я без тебя засыпаю.**

**В озере отражение –
Это твой взгляд ловлю.
Редко бывает затмение –
Я только раз люблю...**

МАГАДАН

Кто в оленьем стаде вожак?

Евгений Сычев

Проживает в Магадане. Печатался в литературно-художественном общественно-политическом журнале территории «Колымские просторы». Является призером Конкурса короткого рассказа им В.М.Шукшина.

Автор этих рассказов в далеких 80-х годах прошлого столетия несколько полевых сезонов провел на Чукотке. Из них четыре года на острове Врангеля, начальником полевого отряда орнитологов, который в рамках международной программы изучал гнездовье белых гусей. Замечательным людям, чукчам и эскимосам с чувством глубокой благодарности посвящает автор эти небольшие рассказы, которые войдут в более расширенном формате в практически подготовленную книгу о Чукотке.

До тех пор, пока я не видел северный олень в природе, то считал, что вожак - это могучий самец с огромными рогами, который руководит робкими самками и шаловливыми оленятами. Естественно, что ему подчиняются и молодые, но еще слабые самцы. Потому в стаде царит полная гармония, и лишь во время гона происходят слабые попытки померяться силой с вожаком.

Только попав на остров Врангеля, и вдоволь насмотревшись на реальную жизнь оленьего стада, я понял, насколько был заражен антропоморфизмом и пропитан духом Бред Гарта, Сетон-Томсона и Киплингга.

Может быть, у материковых диких оленей и существовала какая-то иерархия в стаде, но у островных она отсутствовала напрочь! Они шныряли по острову куда, куда и где хотели, почти не обращая внимания на так называемых пастухов. Те просто ходили пассивно за стадом, целыми днями сидели в палатке, играли в покер и выпивали при этом неимоверное количество чая.

Да и чего было надоедать оленям. С острова они не уходили, всякий гнус отсутствовал. Он появился лишь после очередной безумной идеи заведующего отделением совхоза «Пионер», который размечтался о несметных стадах белых оленей на острове. Я, и не только я один, пытались объяснить ему, что белые особи появляются в результате рецессивного гена и обречены на вымирание. С таким же успехом можно было бы заняться разведением белых ворон. Но все уговоры были тщетны!

Окончательно заиклившись на этой идее, радостный Юнак специально привез несколько белых оленей на остров с Таймыра, а заодно завез и оводов. Так на острове появился этот злобный кровосос, который сразу же занял удобную экологическую нишу и начал усиленно размножаться, а у оленей кончились золотые денечки.

А до этого, в благодатных условиях острова, при полном отсутствии врагов и паразитов, практически в санаторных по их меркам условиях, олени вырастали громадные, как лоси и славилась по всей Чукотке. Их мясом снабжались два прииска – Полярный и Ленинградский, естественно и жители самого острова не оставились без оленины.

Человека тамошние олени не то, чтобы боялись, просто старались избегать. Но можно было сутки – двое походить вместе со стадом и они переставали обращать на тебя внимание. Стадом после этого можно было управлять, постепенно заставляя двигаться в нужном тебе направлении. В этом и заключался, как я понял, выпас оленей на острове.

Конечно, изредка стадо подгоняли ближе к поселку для проведения зоотехнических мероприятий или для забоя, но такие события происходили редко, поэтому практически вольный выпас устраивал всех и оленей, и пастухов, и в конечном итоге нас, поскольку баночная диета порой надоедала до чертиков.

И все же вопрос иерархии в стаде оленей меня занимал вплоть до одного случая.

Как-то на склоне пика Тундровый, у подножья которого стоял наш маленький домик, я увидел небольшое, голов в 70 стадо оленей, с совсем маленькими телятами.

- Попробую загнать их на вершину пика, - подумал я, - малыши наверняка устанут лезть на гору, они же маленькие и слабые, может мне удастся поймать хоть одного. Будет у нас свой олень в отряде. Может, сделаем его ездовым?

Решив так, я бросился за стадом вверх по склону пика. Но через короткое время понял, что четыре ноги намного лучше, чем две, а то, что олени не курят, позволяет им дышать более свободно, чем 30-летним самоуверенным идиотам вроде меня.

Короче, когда я, наконец, обливаясь потом и задыхаясь, добрался до вершины – оленей там давно и след простыл. Они мчались по тундре километрах в трех-четырёх от подножья горы, причём впереди стада неслись, как угорелые именно «маленькие и слабые» оленята.

Примерно с полчаса я сидел на вершине пика, отдыхал от этой гонки за оленями и хохотал над своей собственной дурью.

За оленями я больше с тех пор не бегал, поскольку это совершенно бесполезное занятие: до жути напоминающее, как некоторые собаки бросаются с лаем вслед за проезжающими мимо машинами.

Наблюдая затем за стадом оленей на отдыхе, во время кормежки или перекочевки, я заметил, что совершенно не важно, кто в стаде поднял панику, и по какому поводу. Это может быть огромный самец, молодая важенька или олененок, которому и недели не исполнилось со дня рождения. Стадо как по команде бросается за убегающим в панике животным, затем также внезапно останавливается и спокойно пасется до следующего истеричного броска.

Может, эти инстинкты были заложены эволюцией? Ведь когда каждому животному в стаде грозит смертельная опасность, рассуждать времени нет и тут спасение только в быстрой реакции. И рассчитывать приходится только на быстроту ног! Или такие броски входят в расписание ежедневных спортивных тренировок каждого оленя. Кто знает? Толковых объяснений от тундровиков я не слышал, а сами олени по этому поводу многозначительно молчат.

Может ли олень быть хищником?

Казалось бы совершенно глупый вопрос. Все равно как может ли волк быть травоядным? Для меня этот вопрос до острова Врангеля был ясен, как божий день. Однако, внимательно наблюдая за питанием оленей, я начал понемногу задумываться.

Видели ли вы тундру после того, как по ней прошло стадо оленей? Она выглядит, как будто Мамай прошел войной. Широкая полоса, где не осталось ничего живого. Это «милое животное» лопает все подряд: траву, грибы, яйца птиц вместе со скорлупой, птенцов, леммингов, жуков и пауков, короче – все, что хоть мало-мальски пригодно в пищу. Даже грызет сброшенные прошлогодние рога, как ребятишки сладкие козлячки. Особенную ненависть у нас вызывала его прямо-таки патологическая страсть к поеданию птичьих гнезд.

Надо отметить, что в то время мы работали по совместной советско-американской программе, посвященной изучению экологии белого гуся, который гнездился на острове Врангеля, а на зимовку улетал в Калифорнию. Чтобы лучше различать птиц американцы придумали легкие оранжевые ошейники с номерами. Мы отлавливали гусей во время линьки, одевали им ошейники и они держались на птицах два-три года, позволяя без отстрела наблюдать птиц на местах гнездования, зимовок и во время перелетов при помощи оптики. Особую ценность для нас представляли загнездившиеся пары, где оба гуся были с ошейниками.

Однажды под вечер я возвращался с маршрута и заметил на гнездовье оленей. Нехорошее предчувствие жало сердце. В двухстах метрах от нашего балка было контрольное гнездо, где и гусак и гусыня были с ошейниками. Причем птицы так к нам привыкли, что на нас почти не реагировали и позволяли спокойно за ними наблюдать. Гусыня отложила шесть яиц и трудолюбиво их высидела. Песцы, поскольку балок был недалеко, шастали рядом, но гнезду не угрожали. Короче, гуси были нам как родные, а гнездо было так дорого, как будто мы всем отря-

дом туда отложили яйца. Мы мечтали ошейники надеть на шею и птенцам. Тогда можно было бы проследить за жизнью всей гусиной семьи.

И что же я увидел?! Недалеко от гнезда стояли печальные гуси и с обреченным видом смотрели, как засунув свою наглуемую морду в гнездо, как в сковородку, олень с упоением пожирал яйца.

- Перестань немедленно, проклятая скотина! – завопил я, срывая с плеча карабин «Барс».

Не тут-то было! Он уже не мог оторваться от такого угощения и стал торопливо доедать яйца, озираясь на меня и хищно слизывая с губ скорлупу с остатками желтка. Вытерпеть такую наглость было свыше человеческих сил!

Я выстрелил прямо по правой лопатке. Пули в карабине были полуоболочные. Такой снаряд при скорости 300 м/сек как нож в масло входит в тело, но, встретив сопротивление в виде кости, принимает грибовидную форму и выносит кость вместе с мясом напроочь.

Так получилось и с этим злополучным гурманом. Его левую лопатку почти оторвало вместе с ногой. Олень очень удивился, прыгнул и попытался приземлиться, но ноги не было, и поэтому он красиво, как в американском боевике, кувыркнулся через рога и затих.

В другое время можно было бы порадоваться такому красивому выстрелу, почти как в голливудском фильме, но не сейчас. Я подошел, убедился, что яиц в гнезде не осталось, несколько раз со злобой пнул оленя и пошел к балке. Там некоторое время просто сидел и нервно курил, а народ терпеливо ждал рассказа о том, что произошло.

- Что произошло? А то, что сожрало «милое травоядное» наше лучшее контрольное гнездо, птицы ему подавиться на том свете! Идите и заберите эту скотину на мясо. Лично мне на него смотреть противно, да и есть я эту падаль не буду. А увидите пастухов, то хоть одного за шкуру притащите сюда. Разговор серьезный к ним есть.

Ребята освежали и прикопали в снежник оленя, а на следующий день рано утром пастухи

сами заявили в гости. Встретили мы их неласково.

- Вот гнездовье, вот ваши олени, вот вы, - сказал я, - предлагаю вам убираться в течение получаса с гнездовья. Через полчаса начинаю стрелять. Время пошло!

Пастухи молча переглянулись и вышли. В течение получаса на гнездовье оленей не было, как, впрочем, и пастухов. И вообще в этот сезон мы пастухов больше не встречали, что было удивительно. Обычно они хоть раз в две недели появлялись у нас, делились островными новостями, приносили и забирали почту, а тут как вымерли все.

Заехавший на гнездовье директор заказника Николай Винклер, легко разрешил наше недоумение по этому поводу.

- Сами виноваты, - сказал он, хитро улыбаясь в свои роскошные усы. Бедные оленеводы примчались в поселок и сказали, что ваш начальник с ума сошел, велел не появляться вблизи гнездовья и по людям стреляет из карабина. Кому же охота пулю получить! Это мне на все плевать, семьи и детей нет, если и застрелят, то горевать особо некому. Поэтому я и приехал, такой уж я отчаянный мужчина!

Ребята валялись от охоты, а я задумался: какую же силу имеет слово, особенно если оно не понято и неверно истолковано.

С тех пор к северному оленю, особенно врангелевской популяции, у меня отношение особое. Видимо ему сильно не хватает минеральных солей, поэтому он и стал такой всеядный. А может, подобный спектр питания у него запрограммирован суровостью северной природы? Кто может дать однозначный ответ? Лично для меня он травоядное животное, которое с превеликой радостью способно превращаться в хищника. И попробуйте меня в этом переубедить.

А с пастухами мы осенью все же встретились в поселке и наладили отношения. По крайней мере, с меня спала маска кровожадного тундрового монстра, охотника за невинными пастухами - оленеводами.

Сахалин

Мой Сахалин, мой острова...

«Где-то там... Где-то там, в космосе человеческой души, в солнечной системе современников есть планета Сахалин. И василькового цвета ситец неба этой планеты распротёр свои крылья над многоточием островов. Здесь, в сердцах счастливых своей долей людей, живёт вера, хранится надежда и рождается любовь... И любовь из них больше...»

На одном дыхании я написал эти строки для обращения к читателю со страниц моей первой книги «И любовь из них больше...». Старался максимально отразить собственное понимание гармонии островного мира, в котором человек старается жить в ладу с природой, с цивилизацией, с самим собой...

Что для меня Сахалин?

Мой остров. Для кого-то хмурый, в циклонах, в вечной мерзлоте, в штормах, дождях, похолоданиях, ветрах, без солнца в темноте...

Сахалин – это пространство, наполненное ветрами и штормами. Пространство, просоленное морями и стремящееся навстречу просыпающемуся в океане солнцу. Пространство, в котором уживаются высокотехнологичные проекты человека и дикая природа от субтропиков юга до заболоченной тундры севера.

Сахалин – это время, наполненное ожиданием тепла и света. Время, пропитанное ароматом цветущей сакуры и влагой покрытых уставшими от прибора водородными берегов. Время, стремящееся опередить спрос на богатство природных ресурсов неожиданным предложением шельфа и ежегодных богатых путин...

Сахалин – это душа... Душа... Вот здесь самое сложное. Даже не так. Вернее будет сказать, самое волнительное. Как передать внутренний мир человека? Причем, даже не дальневосточника, не просто и не только дальневосточника, – сахалинца. Я уже не говорю про души с более совершенной огранкой – души курильчан.

Как-то один столичный ученый поделился со мной результатами социологического исследования, проведенного им на Южных Курилах в начале столетия. Маргинальное сознание островитян вполне логично встраивалось в восприятие своей удаленности от Большой Земли.

*Безграничное признание
Дарит каждому семья
Бесконечных берегов
В свете дальних маяков.*

Однако, именно здесь, на островах, как нигде, и пространство, и время предрасполагают к прорастанию в человеческой душе ростков человечности, человеколюбия, открытости и милосердия. Уверен, именно эти ростки больше века тому назад искал на Сахалине и Антон Павлович Чехов. Только взгляните в образы его литературных героев «до» и «после» сахалинской экспедиции.

Что я могу тебе дать?

Наверное, солнца свет.

И ветра, и звезд, и тяжёлого снега,

и этих дерев, что устали от бега,

Тех самых дерев на камнях островов,

где ветреный встретить рассвет я готов...

Уже больше 20 лет мы с Сахалином вместе. Три из них – в далеких шестидесятых... Детская психология утверждает, что в первые три года жизни человек получает больше информации из окружающего мира, чем за всю остальную жизнь. И именно в эти годы закладывается программа на всю жизнь. Ну, казалось бы, что можно вспомнить из впечатлений младенца? Ан нет, хранит память несколько артефактов. И среди них – вкусовое ощущение от ягоды, которая растет только на Сахалине, да еще в низовьях Амурского лимана, – вкус клоповки. Эта ягода – поистине, символ острова. Гости Сахалина по дороге в аэропорт обязательно заезжают на центральный рынок Южно-Сахалинска за сиропом из этой ягоды с фантастическим вкусом. Визуально помню еще от горизонта слева до горизонта справа берег, песчаный, и весь в солнечных зайчиках на пенных барашках прибрежных волн. Аудитальная память сохранила мне мелодию популярной в те далекие годы песни в исполнении молодого Льва Лещенко. Спустя сорок лет я посвятил этой песне несколько строк.

Та песня как пропуск в молчание гор,

В морское безумство и неба простор!

Та песня, мой друг, как молитва всем нам:

«И хлеба горбушку, и ту пополам!»

«Остров – земля, со всех сторон окруженная водой. Это из школьного учебника». Не помню, точно, какого. Но определение запомнилось... Школа моя, как и все остальные образования, остались вдали, на материке в прошлом веке. Но память хранит уроки географии и литературы, происхождения «Алых парусов», «Двух капитанов», а чуть позже и более реального «Кон-Тики». Совершенно реально мы вместе с одноклассниками вынашивали планы сооружения плота и сплава по Амуру от Хабаровска до устья... А там – через Татарский, и мы – на острове! На Сахалине!

– Остров! Остров! Посмотрите, бухты, скалы, гор хребты.

Красоты на свете этой лучше в жизни не встретишь ты!

Рассказ о Сахалине не будет полным, если не сказать о друзьях. Уверен, любой человек счастлив заботой со стороны близких и вниманием со стороны своих друзей. А дружба, проверенная в таежных походах, в подъемах к вершинам вулканов, спаянная в штормах Охотского моря, дорогого стоит.

Пусть полощут дожди плащ-палатки.

Есть друзья, они рядом со мной.

Рядом, под василькового цвета ситцем неба моей планеты Сахалин.

Константин МОЛЧАНОВ

Константин Молчанов

Мой остров

**Мой остров. Для кого-то хмурый,
в циклонах, в вечной мерзлоте,
В штормах, дождях, похолоданиях,
ветрах, без солнца в темноте...**

**Возможно, со столичных улиц другого
и не разглядишь...**

**Но мы-то знаем колдовскую над океанской гладью тишь!
Но мы-то видим ежедневно в рассветных зорях горизонт,
И точно знаем, если каплет – еще не значит, нужен зонт,
Еще не всё вокруг в тумане,
Ещё волна не во весь рост,
Еще не вечер, море манит,
И мачты курсом на норд-ост!**

**Еще, быть может, мир откроет
волшебный остров Сахалин,
где ливень океанский моет холсты для будущих картин!**

Пусть мачты стрелами по ветру

**Пусть мачты стрелами по ветру,
Что в небо вырвал паруса,
Летят сквозь ливней кубометры!
И кубомилями роса
С высот таёжных скал в распадки,
Смывает в море сухостой!..
Укрепрайон вокруг палатки,
Принять готовой на постой,
Видал и не такое! Было, как помню, шквалом в берега
Вбивало океаном волны с пятиэтажные дома!
Меж сопками, на спящий город
Весь годовой запас воды
Сорвался в ночь! И стар, и молод
В леса бежали от бед...
А мы тогда ушли с палаткой,
С ночевкой в горы. Эту ночь
Я грел лопаты рукояткой,
Чтоб дрожь в коленях превозмочь!**

Путь не близок

**До Охотского сегодня можно только лишь пешком.
Вот и шлёпаю по лужам. Путь не близок, но знаком.**

**Дождь на трассе ночь дырявит небо звёздным решетом.
Не беда, что своим ходом. Путь не близок. Но знаком!**

**Меря землю, шаг за шагом, ковыряю ночь носком.
Где бегом, где лесом, бродом...
Путь не близок. И знаком.**

Пять градусов к югу

**Пять градусов к югу.
Час лёту в пути.
Так что же? Как другу,
Ответь, что найти
Старайся в Богом забытом краю?
И что-то там шепчешь...
Не песню ль мою?**

**Та песня как пропуск в молчание гор,
В морское безумство и неба простор!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
«И хлеба горбушку, и ту пополам!»**

**Пять градусов к югу.
В распяток туман.
Поверь мне, как другу,
Их тишь лишь обман
В забытом, покинутом Богом краю!
Да что ты там шепчешь?..
Не песню ль мою?**

**Та песня – пароль на кордонах тайги!
На рейдах Курил, где не видно не зги!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
«И хлеба горбушку, и ту пополам!»**

Курилышки

**Ах Вы, милые мои, Курилышки...
Многоточные островов!
День в Амур ушел – жги лучинушку...
Океанская стынет кровь!**

**Теплота сердец в каждом камушке!
Соль разбросана в облаках...
И припасть готов к каждой ранушке!
И нести всю ночь на руках...**

Тишиной Восток наполняется!

Замирает морская тварь...

Силуэты гор растворяются...

Задохся костёр в киноваре!

Даже свежесть волн стала терпкая!

Отошла, отступила в даль...

На сто вёрст... Как порода редкая

Здесь характер, и воля – сталь!

... унесёт тебя словно пёрышко

«ЦентроСпас»... Вертолётов трель...

– Оживайте, мои Вы, Курилышки!

Берег в чайках весь... Акварель!

Дебют

Николай Павлов

Родился в понедельник 6 октября 1958 года в маленькой районной больнице села Мошенское, Новгородской области (Новгород Великий) и жил с родителями, братом-близнецом и двумя старшими сёстрами в небольшой лесной деревушке ЯхнОво до 16 лет. Обычное деревенское детство. Окончил 10 классов. Любимыми предметами были гуманитарные: история, литература, география. Книги любил

читать с детства. Из любимых занятий: рыбалка, фотография и, конечно же, книги, книги, книги... С возрастом от балетрики почти ушёл, больше интересует история России. Недавно прочитал «Историю русской армии» А. Керсновского. Сейчас пытаюсь осмыслить «Этногенез и биосфера Земли» Л. Гумилёва. И всё чаще вспоминаются слова, приписываемые Сократу: «Я знаю, что ничего не знаю».

ЗОРЬКА (БЫЛЬ)

В начале 60-х годов прошлого века мой отец работал бригадиром в колхозе, и в его распоряжении всегда была лошадь. Эта лошадь оставила о себе добрую память и вполне заслужила отдельного рассказа. Лошадь звали Зорькой, она была каурой масти, рыжеватого-красного цвета, и преданно служила отцу несколько лет. Кроме того, что отец занимал должность бригадира, он был еще и комбайнером, и убирать хлеб приходилось иногда за десять, а то и больше километров от дома. Преодолевать такие расстояния на комбайне – дело хлопотное, уж слишком медленно они в те времена ездил, и вот рано утром отец запрягал Зорьку под седло, и верхом ехал в нужное место, там привязывал повод к седлу и Зорьку отпускал. К обеду она возвращалась домой, приходила именно к дому, мама снимала с нее седло и отводила в конюшню, а отец приходил вечером пешком или возвращался с какой-нибудь оказией.

И вот как-то погожим зимним днем, на этой Зорьке, запряженной в сани, мы втроем: отец и нас двое братьев – близнецов, поехали в лес за дровами. Помню скрип санных полозьев по чистому снегу, помню, как громоздились вокруг высокие деревья в кружевах мохнатого инея. В зимнем лесу мы с братом были в первый раз, в первую очередь нас поразили размеры, и возникли другие вопросы: почему скрипит снег, как какие деревья называются, или кто стучит в лесу на барабане, оказалось – стучит дятел без барабана – клювом по стволу. Когда приехали на место, мы с братом остались в санях, а отец пошел посмотреть, где деревья растут получше да поровней, чтобы будущие дрова колоть было легче, да чтобы к саням таскать поближе. Отец скоро скрылся среди деревьев, а потом его и не слышно стало. Мы с братом сидим в санях пять минут, десять, пятнадцать... и в наши души серыми волчьими тенями вползает страх. Батя пропал. Одновременно слезаем с саней и, утопая по пояс в снегу, подвывая от страха, медленно ползем по отцовым следам. А он уже сам идет нам навстречу, мы спасены. Сначала отец не понимает, в чем дело, а потом от наших дрожащих голосов ему становится смешно. Дома над нами тоже смеялись. Страхи, конечно, детские, но волки тогда в наших лесах не были химерой. Новгородские леса дремучие, хоть и не тайга. Зверья в них хватало, в том числе и волков. И волки были не редкостью, как сейчас, а вполне обыденным явлением.

Однажды Зорька спасла отцу жизнь. А дело было так. Отец на Зорьке, как обычно, поехал за дровами. Поехал один, без нас, мы, наверное, уже ходили в школу. К обеду один воз дров был нарублен и привезен к дому. Дров на второй воз тоже было нарублено и осталось их только привезти. Пообедав, отец отправился за ними. Приехал на место, Зорьку разнуздан, бросил ей сена, чтобы не скучала, пока он дрова грузит, повод уздечки к березе привязал. Таскает мороженые бревна к саням, шубу снял, от спины пар идет, время летит быстро, потихоньку сумерки наваливаются. Пора и заканчивать. Осталось погрузить всего ничего, несколько бревен, и вдруг обратил внимание батя, что Зорька-то сеном уже не хрустит. Голову подняла, ушами «стрижет» и нервно в оглоблях ногами переступает. Задумался он на минутку, что бы это значило, и тут же ответ получил из сгушающихся сумерек – волчий вой. Не так чтобы уж совсем близко, но и не на пределе слышимости. Явственный был вой. Заторопился тут батя, но без паники, на войне выучку прошел хорошую. Быстро, в две минуты бревна с саней раскатал кое-как по сторонам, на груженных санях далеко не уйдешь. Шубу на плечи, и Зорьку отвязывать. А Зорька на месте не стоит, мордой дергает, копытами бьет, только что из хомута не выскакивает, дрожащей шкурой чувствует – приближаются волки. Подскочил батя к березе повод отвязать, и опять вой услышал, жуткий и тягучий. Дёрнулась Зорька, как от удара кнута хлесткого, и попали батяны плечи в гигантские клещи. С одной стороны ствол березы несгибаемый, с другой березовая же оглобля со всей лошадиной массой. Полоснуло по плечу, как саблей, болью пронзительной. Ключица хрустнула. Опустилась правая рука... Пробыло от боли испариной и матом: «Что ж ты, сука, наделала». На глаза слезы наворачиваются: и от боли дикой, и от сознания гибельности положения своего. Но мешкать нельзя, быстро обратно к саням, хопоро – левша, кое-как вожжи на руку наматал, в левую же руку топор, три шага до морды лошадиной и повод от уздечки топором – как бритвой, одним движением. Почти на ходу уже, неловко, боком в сани завалился. Выноси, Зоренька! И замелькали белые стволы под чернеющим небом.

Мы с братом были дома, когда отец вернулся. Я помню, как у него дрожали губы, и как он всхлипывал и тихо матерился от боли, когда мама снимала с него шубу. И помню отдельные слова из его тогда бессвязного рассказа: дрова, Зорька, волки. Все это видеть и слышать было жутко. На голове моей шевелились волосы, и до слез было жалко и отца, и Зорьку.

И вот ведь – совпадение: через несколько лет после описываемого случая, в сенокосную страду, теплой июльской ночью, когда Зорьки не было рядом, волки съели Зорькиного жеребенка. Съели не в лесу, а почти в деревне, под стеной колхозной конюшни, в зарослях крапивы и бурьяна.